
**ЧЕЛОВЕК И ПРАВО -
XXI ВЕК**

**AN INDIVIDUAL AND THE LAW -
XXI CENTURY**

Альманах
Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution
Альманах

Выходит 4 раза в год

2025

Выпуск 1

Issue 1

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.csgya.pf/gu/xxi-vek>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы: Т.А. Поршакова, Е.А. Фешина, М.П. Яковлева
Компьютерная верстка, дизайн обложки О.А. Фальян

*Подписано в печать 17.04.2025. Дата выхода в свет 17.04.2025. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 7,65. Тираж 950 экз. Заказ № 166.*

*Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.*

*Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Грибунов О.П. и.о. ректора Байкальского государственного университета, д.ю.н., профессор;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гулягин А.Ю. прокурор Тамбовской области, д.ю.н.;

Гончаров М.В. первый проректор Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, к.ю.н., доцент;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абанина Е.Н. заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Акимова М.А. председатель четвертого судебного состава Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;

Ананьева А.А. заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., доцент;

Амирбеков К.И. заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Афанасьев С.Ф. директор Института правотворчества и правового прогнозирования, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Балашова Е.Ю. профессор кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д.ф.н., доцент;

Блинов А.Г. заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

- Богачева Е.А.** заместитель директора Института прокуратуры по социальной работе Саратовской государственной юридической академии, к.п.н., доцент;
- Боярская Ю.Н.** доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
- Бытко С. Ю.** профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;
- Варыгин А.Н.** заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Воротников А.А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ворошилова С.В.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Залужный А.Г.** профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.ю.н., профессор, старший советник юстиции;
- Заметина Т.В.** заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Иванчина Ю.В.** профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;
- Исаенкова О.В.** заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Истомина Е.А.** профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;
- Ковалева Н.Н.** руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;
- Комбарова Е.В.** доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
- Коновалов И.Н.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.и.н., профессор;
- Лопашенко Н.А.** профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
- Манова Н.С.** заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Никитин А. А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;
- Покачалова Е.В.** заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Пырков И.В.** профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н., доцент;

- Соловых С.Ж.** заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;
- Соловьева Т.В.** профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Титов А.А.** советник РНКБ Банка (ПАО), помощник члена Общественной палаты РФ, к.ю.н.;
- Чаннов С.Е.** заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Шапиро Л.Г.** заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент.

Главный консультант выпуска:

Манова Нина Сергеевна, заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

- 8 **Спесивов Н.В.**
Предисловие к выпуску
- АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА
В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**
- 10 **Манова Н.С.**
Полномочия прокурора
в уголовном судопроизводстве:
некоторые проблемы
законодательной регламентации
и практики реализации
- 18 **Гладышева О.В.,
Семенцов В.А.**
Участие прокурора в собирании
доказательств при производстве
следственных действий
- 27 **Даровских С.М.,
Даровских О.И.**
Компаративное исследование
полномочий прокурора
в досудебных стадиях процесса
по законодательству
Российской Федерации
и Республики Казахстан
- 34 **Рябинина Т.К.**
Институт возвращения
уголовного дела прокурору
в системе гарантий
отправления правосудия
- 42 **Тушев А.А.**
Функции и подфункции
прокуратуры
- 47 **Перетяцько Н.М.,
Федюнин А.Е.**
К вопросу о функции,
выполняемой прокурором
в стадии возобновления
производства по уголовному
делу ввиду новых или вновь
открывшихся обстоятельств
- 52 **Оркина К.А.**
Методика осуществления
прокурорского надзора
на стадии возбуждения
уголовного дела по делам
о даче или получении взятки
- 58 **Грачёва О.А.,
Марцинкевич В.В.**
Ретроспективный и современный
подход к классификации
прокурорских проверок
на досудебных стадиях
уголовного процесса
- 62 **Лиходаев Е.Г.**
Участие прокурора
в производстве по уголовному
делу ввиду вновь открывшихся
обстоятельств
- 67 **Овчинникова Н.О.**
Пробелы правового
регулирувания участия
прокурора в делах частного
обвинения
- 73 **Петрова Г.Б.,
Стародубцев Е.Э.**
Возмещение морального
вреда в рамках реабилитации:
проблемы практики
и нормативного регулирования

- 82 **Спесивов Н.В.**
Усиление роли прокурора в досудебном производстве как объективное требование современного российского уголовного процесса
- СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**
- 87 **Галицкая Н.В.**
Перспективные направления совершенствования механизма административного стимулирования организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность
- 92 **Киримова Е.А.**
Осуществление надзорных и иных функций, свойственных прокуратуре, в России в первые годы советской власти
- СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
- 96 **Александрова Т.А.**
Анализ и оценка качества юридического перевода по критериям адекватности и эквивалентности

- Игнаткина А.Л.,
Беляев А.С.**
- 102 **Имена и люди в английском языке: антропонимы с точки зрения семиотической теории Чарльза Пирса**
- Богачева Е.А.**
- 111 **Искусство тактики убеждения в англоязычном судебном субдискурсе**
- Волгина Е.В.**
- 116 **Некоторые аспекты определения статуса термина (на примере терминов права)**
- Взгляд молодых ученых**
- Шималакова А.С.**
- 120 **Разграничение содержания досудебного и внесудебного способов защиты прав и интересов граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность**
- Магомедова М.У.**
- 127 **Досудебный порядок защиты прав заемщиков микрофинансовых организаций при обращении к финансовому уполномоченному**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ

Уважаемые читатели, дорогие коллеги!

Научный журнал «Человек и право – XXI век», альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, с момента своего основания избрал своим вектором обсуждение широкого круга теоретических и правоприменительных проблем прокурорской деятельности, которого придерживается и по сей день. Из номера в номер растет читательская аудитория журнала, увеличивается интерес исследователей и практиков к вопросам, освещаемым на страницах альманаха, а также к опубликованию своих трудов. Продолжая традицию обсуждения актуальных вопросов теории и практики прокурорской деятельности, каждый выпуск 2025 г. будет открываться главной темой номера, в которой приглашенные ведущие ученые и практические работники смогут поделиться своими мыслями о состоянии и перспективах совершенствования законодательства и прокурорской деятельности в рамках обозначенной тематики. Нами было принято решение посвятить первый номер актуальным проблемам участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

Как справедливо отмечает Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов, «прокурор – связующее звено между участниками уголовного процесса, координирующее их работу»¹. Однако в силу отрицания исторической преемственности законодательства, регулирующего процессуальные полномочия прокурора, у правоприменительных органов лишь увеличилось количество проблем, решение которых требует незамедлительных шагов в целях повышения качества производства по уголовному делу. Прокурор как участник уголовного судопроизводства играет здесь важнейшую роль, поскольку от успешного выполнения заложенных законом механизмов реализации его функционального назначения во многом зависит качество соблюдения законности, обеспечение доверия человека и общества к правоохранительной системе и государству, что в совокупности дает предпосылки для роста и укрепления благосостояния и защищенности людей в обществе.

¹ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова газете «Коммерсантъ» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1889204> (дата обращения: 25.02.2025).

Выполняемые прокурором задачи в уголовно-процессуальной сфере прошли практически трехвековой этап исторического развития, однако объем процессуальных полномочий, позволяющий прокурору эффективно осуществлять надзор и уголовное преследование, на протяжении многих лет постоянно менялся. Наиболее радикальной реформой можно назвать принятие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ¹, которым полномочия прокурора были существенным образом изменены. Из общего объема прокурорских полномочий были изъяты исконно присущие прокурору полномочия по осуществлению руководства за следствием и возбуждению уголовных дел. Такой шаг законодателя объяснить непросто. Глубоких научных изысканий, диктующих необходимость проведения такой кардинальной реформы, не проводилось. По прошествии более чем полутора десятков лет с момента указанной реформы в научном сообществе не утихают дискуссии по этим и многим другим вопросам участия прокурора в производстве по уголовным делам, о которых будет вестись речь на страницах данного номера альманаха.

Главным консультантом номера выступил один из ведущих в уго-

ловно-процессуальной науке исследователей проблем участия прокурора в уголовном судопроизводстве, заведующий кафедрой уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор Нина Сергеевна Манова.

Выражаем огромную благодарность и искреннее признание нашим коллегам, авторитетным ученым Кубанского государственного университета, Кубанского государственного аграрного университета, юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского университета МВД России, Юго-Западного государственного университета, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, а также Саратовской государственной юридической академии за согласие выступить авторами данного номера.

Н. В. Спесивов,
*главный редактор научного
журнала «Человек и право – XXI век»,
альманаха Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии,
директор Института прокуратуры,
к.ю.н., доцент*

¹ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.С. Манова,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

10

Вопросы, связанные с полномочиями прокурора в уголовном судопроизводстве, всегда вызывали интерес и у ученых-процессуалистов, и у практических работников, причем не только сотрудников органов прокуратуры, но и следователей, дознавателей, судей. Интерес к данной проблематике существенно усилился после принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”», которым процессуальное положение прокурора в досудебном производстве, его полномочия были существенно изменены.

В соответствии с действующим УПК РФ, прокурор является должностным лицом, выступающим на стороне обвинения и «уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия» (ст. 37). Эти направления деятельности являются для прокурора равнозначными, равноуровневыми, ни одна из процессуальных функций

прокурора не превалирует над другой, поскольку осуществление надзорной деятельности способствует реализации прокурором функции уголовного преследования в непосредственной или опосредованной форме.

Вместе с тем законодательная регламентация полномочий, которыми должен обладать прокурор для того, чтобы эффективно реализовывать возложенные на него уголовно-процессуальные функции, весьма непоследовательна и противоречива. Как неоднократно отмечалось в процессуальной литературе, хотя уголовно-процессуальный закон и позиционирует прокурора в качестве главенствующего субъекта стороны обвинения и уголовного преследования, однако соответствующим объемом полномочий его не наделяет [1, с. 111]. Полномочия прокурора должны позволять ему решать задачи, связанные с обеспечением законности и обоснованности уголовного преследования, независимо от того, кем оно осуществляется, «деятельность какого органа расследования является объектом надзорной деятельности прокурора. Общими должны быть правовые формы решения этих задач, независимо от ведомственной принадлежности органов, ведущих расследование преступлений ... Закрепленное же ныне в УПК РФ положение, при котором полномочия

прокурора в отношении следователя и дознавателя существенно разнятся, вызывает недоумение и у ученых, и практиков... Подобную дифференциацию полномочий прокурора в отношении разных органов расследования трудно признать логичной и обоснованной... Прокурорский надзор за исполнением законов на досудебном производстве имеет единую задачу – обеспечение законности процессуальной деятельности органа расследования. В силу этого правовые формы решения этой задачи (то есть, полномочия прокурора) также должны быть едиными, независимо от ведомственной принадлежности органов, ведущих расследование преступлений. Прокурор должен иметь одинаковые возможности по выявлению и устранению нарушений закона в ходе предварительного расследования, допущенных как следователем, так и дознавателем» [2, с. 241].

Прошедшие 18 лет с момента перераспределения контрольно-надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа в пользу последнего, дифференциация степени власти полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования, умаление роли прокурорского надзора в отношении действий и решений следователя показали нецелесообразность, неэффективность данных законо-

дательных нововведений. Ныне прокурор, лишенный каких-либо оперативных властных полномочий в отношении следователя (кроме права отмены его четырех решений и утверждения обвинительного заключения), «при выявлении нарушений закона в деятельности следователя может лишь обратиться к руководителю следственного органа с требованием об устранении таких нарушений. Однако, по опубликованным данным, на практике порой руководители следственных органов и следователи относятся к таким требованиям прокурора достаточно формально и не признают за ними обязательной силы» [3, с. 49; 4, с. 24].

Для повышения эффективности надзорной деятельности прокурора и его участия в уголовном преследовании в досудебном производстве у него должны быть следующие полномочия:

- неограниченный доступ к материалам проверки сообщения о преступлении и уголовным делам. При наличии жалобы о нарушении прав участников уголовного судопроизводства прокурор должен иметь право в максимально короткие сроки ознакомиться с материалами уголовного дела. Ныне же, прежде чем ознакомиться с уголовным делом, прокурор должен составить мотивированный письменный запрос, срок рассмотрения которо-

го следственным органом законом не установлен;

- законодательное закрепление обязанности следователя и руководителя следственного органа исполнять требования прокурора об устранении выявленных им нарушений закона, а равно предоставление прокурору права определять срок для устранения таких нарушений, исходя из требований разумности. При этом обжалование руководителем следственного органа требований прокурора не должно приостанавливать их исполнение;

- давать согласие следователю на его обращения в суд с ходатайством об избрании мер пресечения и продлении срока их действия либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Поскольку сфера уголовного судопроизводства характеризуется повышенной уязвимостью прав и свобод личности, допускает широкое применение мер процессуального принуждения, полномочия прокурора должны обеспечивать ему возможность предупреждать нарушения закона при осуществлении уголовного преследования следователем и дознавателем. УПК РФ не обязывает следователя при подаче указанного ходатайства в суд направлять его копию прокурору. Между тем прокурор в судебном заседании представляет сторону обвинения при

рассмотрении ходатайств следователя, высказывает мнение о его законности и обоснованности. Практике известны далеко не единичные случаи, когда прокурор не согласен с ходатайством следователя, и тогда суду приходится разрешать спор не только между сторонами обвинения и защиты, но и между двумя субъектами стороны обвинения, что вряд ли может быть признано нормальным явлением;

- отменять любые незаконные или необоснованные постановления следователя. Такое полномочие, имеющее явную надзорную природу, традиционно входило в правовой статус прокурора. Предоставление данного полномочия руководителю следственного органа снизило его эффективность и оказало негативное влияние на процессуальную самостоятельность и независимость следователя. Сегодня руководитель следственного органа, помимо возможности применения мер дисциплинарного характера, обладает избыточными контрольными полномочиями в отношении подчиненного следователя, а потому последний вынужден согласовывать все свои процессуальные действия и решения с ведомственным начальником. Возвращение рассматриваемого полномочия прокурору снизит степень «всевластия» руководителя следственного органа в отношении следователя;

- нуждается в изменении «порядок разрешения разногласий между следователем, руководителем следственного органа и прокурором, закрепленный в ч. 6 ст. 37 УПК РФ. Нынешний порядок преодоления таких разногласий выглядит громоздким и многоступенчатым, требует вовлечения нескольких вышестоящих должностных лиц и отнимает значительный период времени, по истечении которого устранение нарушений может стать невозможным» [3, с. 44].

Полагаем, что обжаловать требования прокурора должен руководитель следственного органа вышестоящему прокурору, решение которого является окончательным. Нынешняя процедура порождает юридическую коллизию, при которой процессуальные решения прокурора необоснованно проверяет вышестоящий руководитель следственного органа, т.е. принимает на себя полномочия вышестоящего прокурора, что противоречит УПК РФ, поскольку оценивать действия и решения прокурора как органа надзора может только вышестоящий прокурор.

Кроме того, законодательная регламентация некоторых полномочий прокурора в УПК РФ отличается низкой законодательной техникой, содержит ряд коллизий и противоречий. Так, согласно п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, постановление

о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, вынесенное дознавателем, подлежит утверждению прокурором. При этом указанная норма сформулирована таким образом, что это полномочие прокурора распространяется на любое решение дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), независимо от оснований его принятия. Данной нормой корреспондируют положения ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, в соответствии с которыми решение дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, может быть принято только с согласия прокурора. «Перечисленные основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) принято характеризовать как диспозитивные, и указание законодателя на необходимость получения согласия прокурора на принятие таких решений традиционно рассматривается как дополнительная гарантия их законности и обоснованности, как антикоррупционная составляющая в процессуальном порядке принятия данных решений» [5, с. 28].

Указанные основания для прекращения уголовного дела не являются исчерпывающими. УПК РФ в ст. 24 и 27 предусматривает

и иные основания, когда уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению (смерть обвиняемого (подозреваемого), истечение срока давности уголовного преследования, отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения, наличие акта амнистии и т.д.). Однако в ст. 24 и 27 УПК РФ не говорится о необходимости получения дознавателем согласия прокурора на прекращение уголовного дела по таким основаниям.

В теории уголовного процесса основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренные ст. 24, 27 УПК РФ, принято называть императивными в силу того, что они исключают возможность продолжения уголовного преследования. «И такой законодательный запрет продолжать при их установлении уголовно-процессуальную деятельность позволяет предположить, что следователь и дознаватель самостоятельны при принятии соответствующего решения, которое по смыслу закона не нуждается в одобрении руководителя следственного органа или прокурора» [6, с. 401].

Однако в процессуальной литературе высказано и иное мнение. Ряд авторов полагает, что только после утверждения прокурором постановление дознавателя о прекращении уголовного дела обретает

юридическую силу и подлежит исполнению [7; 8, с. 112]. Правоприменительная практика на этот счет также складывается неоднозначно. В некоторых регионах России дознаватели и прокуроры полагают, что положения п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о необходимости утверждения прокурором постановлений дознавателя о прекращении производства по уголовному делу носят более общий (по сравнению с положениями ст. 24 и 27 УПК РФ) характер, а любое решение дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) подлежит утверждению прокурором [6, с. 403]. И это несмотря на то, что Генеральный прокурор РФ в п. 35 своего приказа от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» указал на то, что прокурор дает согласие на прекращение уголовного дела только по основаниям, предусмотренным ст. 25, 28 и 28.1 УПК РФ, а в остальных случаях согласия либо утверждения прокурором постановления дознавателя о прекращении уголовного дела не требуется [9].

Таким образом, положения ст. 24, 27 и 37 УПК РФ содержат очевидную коллизию, и чтобы ее устранить законодателю было достаточно оговорить в п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ то, что полномочие прокурора утверждать постановление

дознавателя о прекращении производства по уголовному делу распространяется только на диспозитивные основания принятия такого решения.

Столь же нечетким, коллизионным является законодательное регулирование такого полномочия прокурора, как отмена им решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ) и о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214 УПК РФ). В указанных нормах УПК РФ законодатель объединил полномочия прокурора и руководителя следственного органа по отмене решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела, не разделив их не только отдельными частями в указанных статьях, но и не выделив их хотя бы абзацами. Подобное редакционное построение ст. 148 и 214 УПК РФ дало некоторым авторам основания считать, что постановление прокурора об отмене таких решений следователя должно быть подтверждено соответствующим постановлением руководителя следственного органа, что для утраты юридического значения постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела необходимо, кроме постановления прокурора об их отмене, еще и постановление руководителя

следственного органа об этом же [8, с. 74–75, 89].

На наш взгляд, с подобными представлениями нельзя согласиться. Постановление прокурора как должностного лица, осуществляющего надзор за деятельностью следователя и руководителя следственного органа, об отмене указанных постановлений следователя является окончательным и не требует подтверждения решением руководителя следственного органа, но редакции ч. 6 ст. 148 и ч. 1 ст. 214 УПК РФ действительно могут дать

основания для подобной ошибочной трактовки.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают все просчеты законодателя при изложении полномочий прокурора. А с учетом того, что практические работники нередко стремятся соблюсти именно букву, а не дух закона, не понимая, что за частными случаями стоят определенные фундаментальные положения, процесс правоприменения, реализации полномочий прокурора не всегда носит конструктивный характер.

Библиографический список

1. *Манова Н.С.* Трансформация полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (некоторые итоги реформы) // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 27 марта 2020 г.: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 190–198.
2. *Рыгалова К.А.* Осуществление прокурором надзорных полномочий в досудебном производстве по уголовным делам // 85 лет свершений и побед: сб. науч. тр. по матер. I Междунар. фестиваля науки, приуроч. к 85-летию образования Саратов. гос. юрид. акад. (Саратов, 18–20 апреля 2016 г.). Саратов: Научная книга, 2016. С. 239–242.
3. *Рыгалова К.А.* Деятельность и роль прокурора при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 216 с.
4. *Францифоров Ю.В., Шинкарук В.В., Третьяков Ю.В.* Вопросы совершенствования деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 21–27.
5. *Манова Н.С.* О некоторых дефектах юридической техники Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 102–107.
6. *Манова Н.С.* Процессуальный порядок прекращения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сб. науч. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения» (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 401–406.

7. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. 316 с.

8. Теучеж А.А. Реализация прокурором функции установления объективной истины в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 250 с.

9. Приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. 2022. № 1.

О.В. Гладышева,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного университета

В.А. Семенцов,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Процессуальные полномочия прокурора в ходе досудебного производства определяются законодателем с учетом двух направлений его деятельности: осуществление от имени государства уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

Традиционно принято считать, что в рамках досудебного производства надзор прокурора призван обеспечивать выявление фактов неисполнения требований закона: от нарушений, допущенных при приеме, регистрации, разрешении сообщений о преступлениях, и до момента утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Что касается уголовного преследования, осуществляемого в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), то оно пронизывает всю процессуальную деятельность прокурора, который занимает главенствующее положение в числе участников со стороны обвинения (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). Учитывая, что подозрение и обвинение, бремя доказывания которых лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), формируется на основе совокупности доказательств, возникает необходимость выяснить, обладает ли прокурор полномочием по собиранию доказательств.

В связи с этим напомним, что словосочетание «собираение доказательств» трактуется как деятельность участников доказывания, каждый из которых в пределах предоставленных полномочий, предусмотренными в законе средствами и способами выявляет, обнаруживает сведения и материальные объекты, чтобы собрать их в одном месте – в уголовном деле. Согласно ныне действующей ч. 1 ст. 86 УПК РФ соби́рание доказательств осуществляется не только дознавателем, следователем и судом, но и прокурором. Основным способом соби́рания доказательств служат следственные действия, с помощью которых обнаруживаются, изымаются и приобщаются к уголовному делу доказательства [1, с. 111]. Исходя из приведенной логики, следует сформулировать значимый для теории и практики вопрос: уполномочен ли прокурор на соби́рание доказательств при производстве следственных действий?

В п. 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. указывается, что «в результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном

производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы» [2]. Данная правовая позиция еще больше актуализирует сформулированный выше вопрос, поскольку исключительность отдельных следственных действий, соответственно и обеспечиваемые ими способы соби́рания доказательств, и получаемые в результате фактические данные, обуславливают для прокурора возможность либо невозможность в дальнейшем оперировать значимыми фактами при осуществлении всех направлений своей процессуальной деятельности.

По мнению А.Г. Халиулина, производство следственных действий, направленных на соби́рание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств, следует рассматривать в качестве одного из элементов уголовного преследования [3, с. 47], что подтверждает потребность в обеспечении участия прокурора в соби́рании доказательств.

Несмотря на прямое указание в ч. 1 ст. 86 УПК РФ на полномочие прокурора по соби́ранию доказательств, остается дискуссионным вопрос о непосредственном (личном) участии прокурора в следственных действиях, его формах и способах, на чем и будет сделан акцент в нашем исследовании.

Начиная с 5 июня 2007 г. уголовно-процессуальные полномочия прокурора в досудебном производстве многократно и существенно изменялись. В результате этих изменений в УПК РФ уже не упоминается о непосредственном участии прокурора в проведении следственных действий. «В этой связи, – отмечает В.Н. Григорьев, – право прокурора собирать доказательства, предусмотренное ч. 1 ст. 86 УПК РФ, может быть объяснено только несовершенством законодательной техники» [4, с. 473].

В.А. Лазарева и К.Н. Николаева считают, что «прокурор сегодня лишен полномочий как лично производить следственные действия, так и принимать участие в их проведении, поэтому он может только сопоставлять доказательства между собой, да и то лишь на этапе принятия решения о направлении уголовного дела в суд, фактически после окончания предварительного расследования» [5, с. 27].

В.Н. Исаенко на примере осмотра места происшествия рекомендует прокурорам по фактам проверки причинения смерти использовать несколько форм участия в следственных действиях: 1) наблюдение за ходом его производства и дача следователю рекомендаций о его проведении и использованием технико-криминалистических средств фиксации обстановки места проис-

шествия, труп, обнаруженных следов и объектов; 2) личное участие в обследовании наиболее сложных участков и объектов; 3) организация обмена информацией между следователями и работниками органа дознания [6, с. 128].

Таким образом, дискуссия присутствует по такому основному вопросу, как возможность, пределы и формы личного участия прокурора в производстве следственных действий, направленных на собирание доказательств. Мы акцентируем внимание на таком термине, как «участие», поскольку имеется и другой – «присутствие», существенно меняющий процессуальные возможности прокурора в производстве следственных действий.

В приказах Генеральной прокуратуры РФ, выпущенных после 5 июня 2007 г., отсутствуют упоминания о непосредственном участии прокурора в проведении следственных действий, что обусловлено существенными изменениями в УПК РФ и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», направленными на усиление надзорных и правозащитных функций прокурора в досудебном производстве. Для примера: в п. 1.14 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов пред-

варительного следствия» (в ред. от 22 февраля 2023 г.) указывается, что по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением, он обязан проверять соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных действий [7].

Теперь прокурор либо его заместитель лично выезжает на место происшествия, но уже не для участия в следственных действиях, а с целью координации действий сотрудников правоохранительных органов, своевременного решения вопроса о подследственности, осуществления надзора за законностью проведения оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных действий, «в случае совершения преступлений террористического характера и иных особо тяжких преступлений, а также при получении данных о нарушении закона при проведении первоначальных следственных действий» [8].

В п. 3.3 указания Генеральной прокуратуры РФ от 20 февраля 2020 г. № 84/23 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере функционирования железнодорожного транспорта» предлагается «обеспечивать незамедлительный выезд транспортного прокурора (на правах районного) на места транспортных происшествий с тяжкими последствиями... При значительной

удаленности транспортной прокуратуры от места происшествия информировать соответствующего территориального прокурора о необходимости выезда и принятия соответствующих мер до прибытия транспортного прокурора» [9] опять же с целью координации деятельности правоохранительных органов.

Как известно, координирующая роль прокурора по борьбе с преступностью закреплена не в УПК РФ, а в ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [10], осуществляется в соответствии с Положением о координации такой деятельности, утвержденным Президентом РФ [11], с использованием различных организационных форм: от совместного планирования и до обеспечения слаженной работы следственных и оперативно-разыскных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

«Целью такой координирующей деятельности прокурора, – пишет Н.С. Манова, – является повышение эффективности осуществления уголовного преследования, его законности и обоснованности» [12, с. 13] и предлагает закрепить «в тексте уголовно-процессуального закона фактически существующее положение о том, что прокурор организует и координирует законное и обоснованное уголовное преследование

лица, совершившего преступление, и привлечение его к ответственности, обеспечивая использование органами расследования исключительно законных средств и способов, с должным обоснованием вывода о виновности обвиняемого» [12, с. 16].

Мы разделяем данное предложение, поскольку такое направление деятельности прокурора, как координация, имеет существенное процессуальное значение и нуждается в его регулировании уголовно-процессуальными нормами. Представляется, что координирующая роль прокурора при производстве следственных действий сводится к обеспечению не только законности, но и целенаправленного и стабильного взаимодействия правоохранительных органов и их должностных лиц, участвующих в раскрытии преступлений и изобличении лиц, их совершивших.

А.Д. Гурин, подтверждая в своем исследовании кардинальность изменения процессуальных полномочий прокурора, всё же обосновывает необходимость закрепить в УПК РФ его обязанность присутствовать при проведении тех следственных действий, в ходе осуществления которых с высокой степенью вероятности могут быть допущены нарушения законности в деятельности органов предварительного следствия. Более того, он

считает возможным предоставить прокурору право делать замечания по поводу законности производства следственного действия, требовать от участников следственного действия неукоснительного соблюдения положений УПК РФ и иного законодательства, а в случае явного нарушения требований закона приостанавливать либо прекращать производство следственного действия [13, с. 11, 20].

В то же время мы должны помнить, что присутствие в следственных действиях, т.е. нахождение, личное пребывание в месте их производства, явно не равнозначно участию, которое истолковывается как совместная с другими деятельность [14, с. 816, 1173]. По сути позиция А.Д. Гурина сводится к возвращению прокурору полномочия участвовать, а не присутствовать при производстве следственных действий.

В проекте Федерального закона от 19 сентября 2018 г. № 550619-7 предлагалось изложить ч. 2 ст. 37 УПК РФ в новой редакции, предусмотрев в ней в числе других полномочий прокурора участвовать в производстве отдельных следственных действий по уголовным делам, находящимся в производстве следователя, дознавателя или производить отдельные следственные действия без принятия уголовного дела к своему производству [15]. Указанный зако-

нопроект 1 июля 2021 г. был отклонен [16], поскольку «предлагаемые изменения фактически направлены на возвращение прокурорам функции руководства предварительным следствием, которая ... была передана руководителю следственного органа» [17]. Такое решение законодателя вовсе не исключает продолжение разработки вопроса об участии прокурора в собирании доказательств путем производства следственных действий.

На наш взгляд, ограничение прокурора в этой части уголовно-процессуальной деятельности негативно сказывается на результатах доказывания. Уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов досудебного производства составляют две взаимосвязанные задачи прокурора. Если рассматривать динамику развития уголовно-процессуальной деятельности прокурора и ее продолжение в форме поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве, то представляется весьма важным, чтобы прокурор располагал не только собственными фактическими данными, но и сведениями о порядке их получения, возможных трудностях, которые сопровождали их собирание, ошибках, допущенных при этом, способах их устранения и др.

Немаловажным фактором выступает личное участие прокурора

в собирании доказательств в свете обеспечения законности производства следственных действий, требующих судебного решения. На первоначальном этапе принятия решения о производстве указанных действий прокурор сохраняет некоторую возможность надзора за законностью и обоснованностью следственных действий, а именно:

1) дача согласия (отказа) дознавателю на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства после проверки изложенных в нем доводов и обязательное участие в судебном заседании, а при несогласии с ходатайством вынос мотивированного постановления, приобщаемого к материалам уголовного дела [18];

2) личное участие в судебном заседании для пояснений по заявленному ходатайству, в том числе и в ситуации, когда прокурор не согласен с позицией следователя. В этом случае (при удовлетворении судом ходатайства следователя о производстве следственных действий вопреки позиции прокурора) он направляет «сообщение вышестоящему прокурору и по согласованию с ним принимает исчерпывающие меры к обжалованию такого решения, вплоть до надзорной инстанции» [19].

В этой части исследования отметим, что прокурор, как указано в ч. 3 ст. 165 УПК РФ, вправе (но не обязан) принять участие в рассмотре-

нии судом ходатайства о производстве следственного действия. Именно поэтому примеры отсутствия прокурора при рассмотрении указанного ходатайства следователя в судебной практике не единичны. Проиллюстрируем это тремя примерами из практики, когда прокурор не участвовал в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя о даче согласия на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан: 1) постановление Бабаюртовского районного суда Республики Дагестан от 20 ноября 2020 г. по делу № 3/6-55/2020; 2) постановление Оймяконского районного суда Республики Саха (Якутия) от 29 апреля 2020 г. по делу № 3/6-1/2020; 3) постановление Кувандыкского районного суда Оренбургской области от 16 ноября 2020 г. по делу № 3/6-85/2020.

Полагаем, что такого рода практика не способствует усилению надзора прокурора за законностью производства следственных действий и собиранием доказательств в соответствии с установленными УПК РФ требованиями.

На основании уведомления следователя или дознавателя суд проверяет законность таких следственных действий, как осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард

вещи, в случае их проведения без получения судебного решения в ситуации, не терпящей отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Аналогичное уведомление получает и прокурор, однако из текста закона не ясно, какие средства реагирования есть у прокурора при получении подобного уведомления и какова его роль при проверке судом законности следственных действий. Отметим и то обстоятельство, что при рассмотрении указанного уведомления судом участие прокурора в судебном заседании опять же не является обязательным, подтверждение чему находим в конкретных судебных решениях (например, постановление Алуштинского городского суда Республики Крым от 22 июня 2020 г. по делу № 3/3-43/2020).

Решение проблемы видится в том, чтобы возратить прокурору как гаранту законности процессуальное полномочие непосредственного участия по его усмотрению в отдельных следственных действиях для решения задач досудебного производства, обеспечения своевременного и качественного реагирования на допускаемые нарушения закона следователем и дознавателем, не посягая на их процессуальную самостоятельность [20, с. 120].

Резюмируя изложенное, отметим, что личное участие прокурора в собирании доказательств в ходе

следственных действий – это необходимая форма прокурорского надзора. Однако в этом направлении необходимо двигаться последовательно, проходя путь по восстановлению достаточного объема прокурорских полномочий в сфере обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве и ее результатов для формирования достаточной совокупности допустимых и относимых доказательств. В каче-

стве первого шага на указанном пути считаем возможным предложить установить в ст. 165 УПК РФ требование об обязательном участии прокурора в судебном заседании по принятию судом решения на основании ходатайства следователя или дознавателей о производстве следственного действия и проверке их уведомления о производстве неотложного следственного действия, требующего принятия судебного решения.

Библиографический список

1. *Гладышева О.В., Семенцов В.А.* Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51, ст. 5026.
3. *Халиулин А.Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления правовой реформы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 261 с.
4. *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2023. 960 с.
5. *Лазарева В.А., Николаева К.Н.* Разграничение компетенции органов предварительного расследования, прокурора и суда по проверке доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 25–30.
6. *Исаенко В.Н.* Объекты прокурорского надзора за процессуальной деятельностью на первоначальном этапе расследования // Уголовное право. 2010. № 2. С. 127–130.
7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (в ред. от 22 февраля 2023 г.) // Законность. 2021. № 12; 2023. № 4.
8. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 16 июля 2010 г. № 284 «О порядке представления специальных докладов и иной обязательной информации» (в ред. от 23 декабря 2019 г.) // Законность. 2010. № 10.
9. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 20 февраля 2020 г. № 84/23 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере функционирования железнодорожного транспорта» // Законность. 2020. № 4.

10. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30 сентября 2024 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; СЗ РФ. 2024. № 41, ст. 6059.

11. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью) (с изм. на 14 июня 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2024. № 25, ст. 3469.

12. Манова Н.С. Роль прокурора в координации деятельности органов дознания и предварительного следствия по осуществлению уголовного преследования // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 12–20.

13. Гурин А.Д. Участие в следственных действиях руководителей следственных органов, прокуроров, должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: процессуальные и тактические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 26 с.

14. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов // под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1268 с.

15. Проект федерального закона от 19 сентября 2018 г. № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 1 июня 2021 г. № 10551-7 ГД «О проекте федерального закона № 550619-7 “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном производстве)”» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции по проекту федерального закона № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. 2017. № 5.

19. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 23 июля 2020 г. № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Семенцов В.А. Проблемы следственных действий в досудебном производстве: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2025. 176 с.

С.М. Даровских,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

О.И. Даровских,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОЦЕССА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Целесообразность участия прокурора в уголовном судопроизводстве определяется обеспечением выполнения им от имени государства таких важных направлений деятельности, как уголовное преследование, надзор и поддержание обвинения.

Изменения, перманентно вносимые законодателем в текст уголовно-процессуального закона, привели к тому, что прокурор утратил большинство полномочий, что привело к весьма усеченным возможностям реализации им в досудебных стадиях процесса своих полномочий, а следовательно, не могло не сказаться на уровне законности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности в целом. Данный факт подтверждается снижением качества следственной деятельности, о чем свидетельствуют данные, размещенные на сайте Генеральной прокуратуры РФ до 2022 г., согласно которым ежегодно прокуратурой выявлялось более пяти миллионов нарушений, допускаемых следователями, дознавателями на досудебных стадиях процесса, и эти данные имели тенденцию к увеличению. Именно поэтому, определяя пути повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, ученые

неоднократно обращались к вопросам, касающимся возможности изменения положения прокурора в досудебных стадиях процесса. Один из таких вариантов и, как нам представляется, достаточно эффективный, – это обращение к нарабатанной практике участия прокурора по законодательству других государств, в первую очередь государств – участников СНГ, среди которых следует отметить Республику Казахстан, граничащую с Россией и уже более 10 лет выстраивающую уголовно-процессуальные отношения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан (далее – УПК РК) принятым 4 июля 2014 г. № 231–V ЗРК.

В соответствии с положениями данного нормативного правового акта, прокурор в Республике Казахстан, как и в России, отнесен к органам уголовного преследования (п. 23 ст. 7; ч. 1 ст. 58 УПК РК), но при этом его полномочия и порядок их реализации отличаются от полномочий сотрудников российской прокуратуры.

Сравнительный анализ положения прокурора в указанных странах позволил прийти к следующим выводам:

1. Согласно УПК РК (ст. 58) прокурор осуществляет надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности, дознания, следствия и судебных решений, а также

осуществляет уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса.

Что касается Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.) (далее – УПК РФ), то здесь законодатель несколько иначе распределил направления работы прокурора, указав первоочередной деятельностью уголовное преследование, а затем надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия.

На наш взгляд, это было сделано не случайно, российский законодатель тем самым подчеркнул, что основное предназначение прокурора в досудебных стадиях процесса – это уголовное преследование, а надзор все-таки вторичен.

В науке не сложилось единого мнения относительно соотношения в деятельности прокурора в досудебных стадиях процесса уголовного преследования и надзорной деятельности. Некоторые ученые полагают, что основная функция прокурора – это уголовное преследование [1, с. 24–28], она, по мнению разработчиков Концепции судебной реформы, что указано в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР», носит домини-

рующий характер. Другие считают возможным согласиться с сочетанием данных направлений деятельности [2, с. 137–144; 3, с. 7; 4, с. 205], а третьи полагают что именно надзорная деятельность остается приоритетной в деятельности органов прокуратуры, в том числе и в рамках уголовного процесса [5, с. 7–9; 6, с. 10].

Законодатель определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). С.И. Ожегов под термином «преследовать» понимает «...следовать, гнаться за кем-то с целью поимки, уничтожения, неотступно следовать, не оставлять в покое, подвергать чему-то неприятному...» [7, с. 583], а в уголовном преследовании эти действия проявляются в виде осуществления розыскных действий по установлению лица, совершившего преступление, сбора доказательств для подтверждения его виновности, привлечения в качестве обвиняемого и т.д. Данная деятельность прокурором не осуществляется, это прерогатива следственных органов.

Первоначальная задача прокурора – это надзор либо за исполнением законов, либо за соответствием закону деятельности следователей

и дознавателей, т.е. процессуальной деятельности. Если при осуществлении данной деятельности выявляются нарушения закона, требующие вмешательства прокурора, тот выносит, в соответствии со своими полномочиями, постановление или передает материалы в орган или должностному лицу, в обязанность которого входит устранение выявленных нарушений. Данный подход соответствует положениям, закрепленным в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также назначению уголовного судопроизводства, определенному в ст. 6 УПК РФ.

2. Ученые [8, с. 9] обращают внимание на то, что осуществление надзора именно за *процессуальной деятельностью* органов предварительного расследования, а не за *законностью* их деятельности, предполагает наличие больших возможностей влиять на ход и результаты расследования, нежели те, которыми располагает прокурор в настоящее время. Надзор за процессуальной деятельностью предполагает постоянный текущий надзор со стороны прокурора, его свободный доступ к материалам уголовных дел, а не по письменному мотивированному запросу, возможность по собственному выбору принимать участие в проведении некоторых наиболее важных след-

ственных действий, как это было предусмотрено по УПК до 2007 г. Надзор за законностью охватывает только последующую проверку прокурором тех процессуальных действий, которые уже были проведены и, как правило, после поступления к нему сообщения о допущенных нарушениях. Что касается эффективности деятельности прокурора, то, бесспорно, что первый вариант деятельности прокурора более желателен, нежели второй. Однако возможность осуществления указанной деятельности должна быть обеспечена предоставлением достаточных для этого полномочий. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за следствием, согласно ст. 37 УПК РФ, не позволяют ему полноценно осуществлять надзорную деятельность в данном направлении, чего нельзя сказать о полномочиях прокурора по законодательству Республики Казахстан. В соответствии со ст. 58 УПК РК прокурор осуществляет надзор за законностью деятельности правоохранительных органов, а также уголовное преследование. Правильность такого подхода можно было бы оспорить, если бы законодатель Казахстана полностью не компенсировал его путем предоставления прокурору широчайших полномочий, позволяющих ему и инициировать расследование, и в любой момент вникать в его ход, фактически

осуществляя надзор за деятельностью указанных органов.

Мы придерживаемся мнения, что возврат прокурору полномочий, которые были им утрачены в результате принятия Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ “О прокуратуре Российской Федерации”» позволят ему осуществлять деятельность более эффективно.

Под эффективностью деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве мы понимаем деятельность, которая характеризуется наличием таких признаков, как законность, своевременность, качество, справедливость, доступность, достаточность, объективность, а также результативность и экономичность [9, с. 33–58]. В отношении представителей прокуратуры это выглядит как требование своевременно выявлять любые нарушения закона, в том числе уголовно-процессуального, и сразу же реагировать на них соответствующим образом в рамках предоставленных полномочий. Проводить в случае необходимости качественные, а не поверхностные проверки, направленные на выявление допущенных нарушений, принимать справедливые и объективные решения, соответствующие ситуации, подтвержденной материалами

уголовного дела, располагать реальной возможностью доступа ко всем материалам уголовных дел в любое время без мотивированного письменного запроса о предоставлении материалов должностными лицами, в производстве которых данные уголовные дела находятся (как это определено в п. 2.1 ст. 37 УПК РФ). Безусловно ожидаемо, что деятельность прокурора будет результативной, несмотря на то что в определенных случаях окончательные решения он принимать не может в силу отсутствия соответствующих полномочий. Также сложно гарантировать и экономичность его деятельности, поскольку она фактически всегда зависит от конкретных обстоятельств дела, и лица, осуществляющие расследование, не будут отказываться от сложных и затратных процессуальных действий и мероприятий в целях экономии средств или времени.

Указание в действующем УПК РФ на надзор прокурора за процессуальной деятельностью не соответствует полномочиям, предоставленным данному должностному лицу в настоящее время, и не обеспечивает эффективность деятельности данного должностного лица, поэтому, на наш взгляд, было бы более правильным вернуть прокурору полномочия, которыми он располагал ранее, до изменений 2007 г.

3. По законодательству Республики Казахстан прокурор обладает одинаковыми возможностями по надзору за деятельностью как органов дознания, так и следствия. Российский законодатель подошел к данному вопросу иным путем – он наделил прокурора более широкими полномочиями в отношении надзорной деятельности за органами дознания, чем за органами, осуществляющими предварительное следствие. Такой дифференцированный подход постоянно находится в орбите интересов ученых, которые в своем большинстве полагают, что он не оправдывает себя и предлагают уравнивать полномочия прокурора в рамках надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие, и органами дознания. Процессуальные полномочия прокурора и его возможности по осуществлению надзорной деятельности должны быть одинаковыми [6, с. 10; 10, с. 22–23; 11, с. 43].

4. Весьма своеобразно законодатель подошел к формулировке содержания ч. 4 ст. 58 УПК РК при определении объема полномочий прокурора, указав номера статей закона, но не раскрывая сущности полномочия, предоставленного указанной нормой. Более подробно полномочия прокурора на стадии предварительного расследования раскрыты в ст. 193 УПК РК. По нашему мнению, такой подход

затрудняет правоприменителям возможность определения диапазона полномочий прокурора. Решение данного вопроса российским законодателем представляется более правильным и эффективным, т.к. в ст. 37 УПК РФ перечислены основные полномочия прокурора, порядок реализации которых подробно изложен в соответствующих нормах закона.

5. В УПК РК сохранено право прокурора своим постановлением возбуждать производство по уголовному делу, принимать дела к своему производству и лично производить расследование, пользуясь при этом полномочиями следователя. По УПК РФ прокурор лишен такого права. Если проведение полноценного расследования явно не охватывается ни функцией надзора как за процессуальной деятельностью, так и за ее законностью и полномочия прокурора не предоставляют такого права, то в разовом порядке с учетом некоторых обстоятельств дела такой подход вполне целесообразен. До настоящего времени по отдельным преступлениям, имеющим большой общественный резонанс в регионе, прокуроры выезжают на места преступлений в целях не только надзора за деятельностью следователей, но и оказания им помощи. Что же касается права на возбуждение уголовного дела, то мы неоднократно высказывали свое

мнение относительно логичности его восстановления прокурору.

6. Весьма интересным представляется выделение в ходе досудебного производства в ч. 2, 3 ст. 193 УПК РК полномочий руководителя органа прокуратуры и процессуального прокурора. Подобный подход, на наш взгляд, является весьма удачным, позволяющим учитывать субординацию, присутствующую в органах прокуратуры, и определять конкретных должностных лиц, наделенных правом выполнения тех или иных обязанностей. В тексте УПК РФ исключительные обязанности вышестоящего прокурора не конкретизированы, что создает неоправданную волокиту в рассмотрении жалоб и обращений граждан. По этой же причине целесообразным было бы указание в ст. 37 УПК РФ на обязательность выполнения следователями (руководителями следственного органа) и дознавателями (начальниками органа дознания) указаний прокурора, данных в порядке, предусмотренном законом, а в случае несогласия с ними – право обжаловать данные указания вышестоящему прокурору, а не наоборот, как указано в действующем законе в ч. 6 ст. 37 УПК РФ. Полагаем, что лицо, осуществляющее надзорные функции, проверяющее деятельность правоохранительных органов на предмет ее законности, не должно само

доказывать обоснованность своих требований. Это право должно быть предоставлено заинтересованным лицам (органам), не согласившимся с указаниями прокурора.

Таким образом, исследование нормативно-правовой базы, касающейся некоторых полномочий прокурора в Российской Федерации и Республике Казахстан, по-

зволяет прийти к выводу о наличии возможности совершенствования законодательства России в данной сфере. При этом работа законодателя не должна сводиться к прямому заимствованию положений, применяемых в других странах, эффективные идеи должны быть адаптированы к реалиям Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Савицкий В.М.* Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 24–28.
2. *Соловьев А.Б.* Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой системы: сб. науч. тр. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. С. 137–144.
3. *Халиулин А.Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 36 с.
4. *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2005. 325 с.
5. *Болтошев Е.Д.* Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.
6. *Бушковская Е.Н.* Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.
8. *Абдул-Кадыров Ш.М.* Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.
9. *Даровских О.И.* Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2022. 240 с.
10. *Шадрин В.С.* Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалист. 2015. № 1 (16). С. 20–25.
11. *Левченко О.В.* Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. 54 с.

Т.К. Рябинина,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики Юго-Западного
государственного университета

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Многолетние теоретические исследования правового регулирования института возвращения уголовного дела прокурору, а также анализ судебной практики свидетельствуют о том, что, несмотря на непрекращающиеся попытки законодателя и правоприменителей модернизировать институт возвращения уголовного дела прокурору в сторону лишения полномочий суда по принятию решения обвинительного характера, процесс его реформирования еще не завершен, что выражается в том, что за последние годы и законодатель, и высшие судебные органы неоднократно меняли свои правовые позиции относительно целесообразности существования этого института, а также оснований принятия судом такого решения при получении уголовного дела от прокурора или уже в ходе судебного разбирательства, что в целом свидетельствует об отсутствии четкой государственной политики в вопросах развития российского уголовного судопроизводства, и это при том, что на официальном уровне еще в 1991 г. была принята Концепция судебной реформы в Российской Федерации, наметившая основные направления реформирования российского правосудия [1, с. 512].

Законодатель, пытаясь уйти от аналогичного, советского варианта данного института, – возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования – который использовался судом чаще всего с целью создания именно стороне обвинения благоприятных условий для продолжения уголовного преследования, в настоящее время стремится приблизиться к состязательному процессу и усилить судебный контроль за досудеб-

ным производством, чтобы создать надежный механизм для устранения выявленных недостатков и нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органами предварительного следствия и дознания, а также прокурором, исключающих принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям законности и справедливости, вводит новый институт – возвращение дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Вместе с тем отношение к данному уголовно-процессуальному институту со стороны российских процессуалистов неоднозначно [2, с. 224]. Одни ученые положительно восприняли новый институт, полагая, что уголовное дело возвращается прокурору с целью исправления единичных процессуально-технических недостатков, а не с целью комплексного дополнительного расследования [3; 4, с. 27], устранения явных препятствий для разрешения дела по существу [5, с. 41]. Другие авторы, напротив, стали критиковать нововведение, указывая на лишение суда возможности принимать меры к вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора, а следовательно, и к разрешению дела, что негативным образом сказывается на статусе суда как самостоятельного и полноправного участника процессуальной деятельности [6, с. 27].

Ряд авторов в своих публикациях утверждает, что этот институт не что иное, как восстановленный, или видоизмененный институт возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования [7; 8; 9, с. 29; 10, с. 50].

Действительно, настоящий институт порождает много вопросов и дискуссий, но объединяет всех авторов, высказывающих порой прямо противоположные позиции относительно его сути как действенного механизма устранения нарушений закона, допускаемых в досудебном производстве, препятствующих судебному рассмотрению уголовного дела и принятию по нему законного, обоснованного и справедливого приговора. Исходя из поэтапного построения уголовного судопроизводства, следует признать, что всем его стадиям присущ процессуальный контроль за качеством ведения предшествующего этапа производства по уголовному делу [11, с. 244–245]. По мнению В.А. Лазаревой, «многоступенчатость уголовного процесса, обеспечивающая на каждой последующей стадии контроль за результатами предыдущей, гарантирует своевременное выявление и устранение нарушений уголовно-процессуальной процедуры» [12, с. 153].

В условиях расширения полномочий суда в производстве по уголовному делу в сторону усиления

судебного контроля за досудебным производством суд как орган правосудия должен быть наделен властными полномочиями по отношению к органам предварительного расследования, их незаконным и необоснованным решениям, препятствующим рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, в том числе и путем возвращения уголовного дела прокурору для устранения выявленных препятствий.

Судебная практика свидетельствует об эффективности данного института и стабильности его применения. Сами судьи также подтверждают важность данного института. Так, в одном из обобщений судебной практики указано, что «возможность постановления законного и обоснованного приговора исключается, если в досудебной стадии допущено нарушение гарантированных Конституцией РФ прав обвиняемого на судебную защиту или потерпевшего на доступ к правосудию, ...суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств», в том числе и путем возвращения уголовного дела прокурору.

Правоприменители испытывают трудности в своей деятельности в связи с отсутствием единообразия применения норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору, что обусловлено противоречивостью в правовом регулировании данного института. Прежде всего это касается возможности инициирования судом вопроса о возвращении уголовного дела прокурору, характера нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих рассмотрению дела судом, а также объема полномочий как суда, так и прокурора по устранению препятствий рассмотрения дела судом и процессуальных средств, обеспечивающих эту деятельность. Несовременная система оснований возвращения уголовного дела прокурору, в связи с чем возникает вопрос целесообразности сохранения некоторых из них.

В связи с этим своевременным видится постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», в котором даны важные разъяснения по вопросам, возникающим у судов в связи с необходимостью принятия

решения о возможности рассмотрения уголовного дела по существу или возвращения его прокурору при выявлении разного рода нарушений закона.

В постановлении серьезное внимание уделено разъяснению первого основания возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Трудность использования данного основания в правоприменительной практике обусловлена тем, что законодатель не включил в УПК РФ такое основание возвращения уголовного дела прокурору, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, поэтому Пленум разъяснил, что под допущенными при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать нарушения, изложенные в ст. 220, 225, ч. 1, 2 ст. 226.7, а также других взаимосвязанных с ними положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основе данного обвинительного документа. В пп. 2–7 постановления содержится подробный перечень и анализ ситуаций, влекущих обязательное возвращение уголовного дела прокурору.

Хотелось бы отметить разъяснения следующих выявленных судом обстоятельств:

- предварительное расследование осуществлено ненадлежащим (неуполномоченным) или подлежащим отводу лицом;

- по уголовному делу, по которому предварительное следствие является обязательным, предварительное расследование произведено в форме дознания;

- по уголовному делу в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, нарушен порядок возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого, предусмотренный ст. 448 УПК РФ;

- уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в нарушение положений п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в их взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ не выделено в отдельное производство, и дело поступило в суд в отношении всех обвиняемых;

- невыполнение в случаях, предусмотренных ч. 2.2 ст. 27, 28.1, 28.2, п. 3.1 ч. 1 и ч. 9 ст. 208 УПК РФ, следователем, дознавателем своей процессуальной обязанности по прекращению или приостановлению предварительного расследования, составление по его результатам обвинительного документа и направление прокурором уголовного дела в суд, влекущие негативные последствия для лица, в отношении которого, вопреки тре-

бованиям закона, продолжается уголовное преследование и т.п.

Спорным представляется разъяснение, содержащееся в п. 9 постановления, о том, что если в соответствии с требованиями ст. 196 УПК РФ производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно или оно обязательно для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 73 УПК РФ), то по смыслу этой нормы отсутствие в материалах дела соответствующего заключения эксперта и указания на него в обвинительном документе является существенным нарушением закона, допущенным при составлении обвинительного документа, исключающим возможность принятия судом на его основе решения по существу. Поскольку данные обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных видов доказательств, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия (например, судебно-бухгалтерской или экономической экспертизы для установления размера ущерба по делу о преступлении в сфере экономической деятельности), то

уголовное дело подлежит возвращению прокурору.

На наш взгляд, данное разъяснение противоречит важному положению, изложенному в п. 8, о том, что уголовное дело не подлежит возвращению прокурору, если допущенное органами предварительного расследования нарушение требований уголовно-процессуального закона может быть устранено в судебном заседании, когда это не влечет изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту. В вышеописанной ситуации суд вправе назначить производство экспертизы, поскольку возвращение дела прокурору потребует большего времени на устранение такого препятствия, чем в ходе судебного разбирательства.

В пп. 7.2–10 постановления даны разъяснения, касающиеся случаев, когда выявленные судом нарушения не являются препятствиями для рассмотрения дела, что означает возможность их устранения судом без возвращения дела прокурору, что свидетельствует об укреплении властного статуса суда, его независимости при определении судьбы уголовного дела и обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию, а также рассмо-

трение дела без необоснованной задержки в разумный срок.

Важными являются следующие разъяснения:

- в обвинительном документе отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, информация о потерпевшем, если он был установлен по делу, но соответствующие сведения имеются в материалах уголовного дела либо дополнительно представлены государственным обвинителем;

- в обвинительном документе допущены явные технические ошибки (опечатки), исправление которых не влияет на существо предъявленного обвинения, не нарушает пределов судебного разбирательства и права обвиняемого на защиту;

- в справке к обвинительному документу и материалах уголовного дела отсутствуют сведения об имеющихся по делу процессуальных издержках;

- в материалах дела отсутствуют необходимые для установления личности подсудимого документы, но такие документы представлены в судебном заседании;

- лицо, которому преступлением причинен вред, не было признано потерпевшим либо потерпевший был лишен возможности реализовать в ходе предварительного рас-

следования свои процессуальные права.

Трудно согласиться с разъяснением о том, что если в досудебном соглашении о сотрудничестве отсутствует указание на все преступления, в которых обвиняется подсудимый, при условии согласия последнего с обвинением в полном объеме, то дело также не подлежит возвращению прокурору (п. 8). Вполне возможна ситуация, когда подсудимый в судебном заседании может отказаться от особого порядка, в том числе и в связи с тем, что пожелает знать, в чем его обвиняют. Суд, согласно ч. 6 ст. 316 УПК РФ, должен в этом случае вынести постановление о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения дела в общем порядке, что сразу создаст для этого препятствия и вынудит суд возвратить дело прокурору. Полагаем, что суд обязан обеспечить право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, а не порождать новые нарушения закона.

Изучение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. позволяет предложить законодателю сократить некоторые основания возвращения уголовного дела прокурору, например:

- копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому,

за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном ч. 4 ст. 222 или ч. 3 ст. 226 настоящего Кодекса (п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), вводя процедуру вручения указанных документов прокурором на предварительном слушании;

▪ при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), вводя правило о разъяснении указанных прав на предварительном слушании.

Подытоживая свои размышления, можно сделать вывод о том, что институт возвращения уголов-

ного дела прокурору необходим в системе поэтапного, стадийного построения российского уголовного судопроизводства, обусловившего контрольно-проверочный характер деятельности суда на любом этапе судопроизводства. При этом задача по устранению недостатков, допущенных стороной обвинения, может быть решена судом и на предварительном слушании, и непосредственно в стадии судебного разбирательства, и даже при пересмотре судебных решений вышестоящими судебными инстанциями, и только в случае невозможности устранить препятствия, не позволяющие суду принять законное и обоснованное решение, суд вправе возвратить уголовное дело прокурору.

Библиографический список

1. *Рябинина Т.К.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. № 14 (3). С. 512–526.
2. *Зайцева Е.А., Трифонова К.А.* Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2014. 224 с.
3. *Михайловская И.Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2002. № 7. С. 2–4.
4. *Петрухин И.Л.* Доследование: расхождения закона и практики // *Уголовный процесс*. 2007. № 8. С. 27–30.
5. *Ковтун Н.Н.* Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: все еще требует оптимизации процессуальной формы // *Уголовное судопроизводство*. 2005. № 1. С. 36–41.
6. *Ефимичев П.С.* Новый УПК России и защита интересов личности и государства // *Журнал российского права*. 2003. № 2. С. 25–29.
7. *Азаров В., Баранов А., Супрун С.* Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования: правосознание и закон, толкование и применение // *Уголовное право*. 2004. № 2. С. 84–86.

8. *Петуховский А.* Восстановить институт возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 47–49.
9. *Колоколов Н.А.* Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 25–32.
10. *Тришева А.* Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4. С. 50–55.
11. *Гуськова А.П.* Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ // А.П. Гуськова. Избранные труды. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2007. С. 241–300.
12. *Лазарева В.А.* Особенности и формы реализации судебной власти в уголовном процессе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2001. № 2 (4) / 22. С. 151–158.

А.А. Тушев,

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

ФУНКЦИИ И ПОДФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

На фоне неутихающих дискуссий о правовом статусе прокуратуры важным представляется вопрос о делении функций прокуратуры на подфункции и корректности такого разделения.

По мнению авторов практического пособия «Настольная книга прокурора», «Главной функцией прокуратуры является прокурорский надзор ... В зависимости от сфер правовых отношений, в которых осуществляется деятельность прокуратуры (сферы органов управления, органов предварительного расследования, органов исполнения наказаний и др.), надзорная функция подразделяется на подфункции (отрасли)» [1, с. 37]. Такой же точки зрения придерживаются и авторы учебника «Прокурорский надзор» под редакцией Ю.Е. Винокурова – в силу многообразия надзорной деятельности, ее широты, наличия сходных общественных правоотношений, характеризующихся единством предмета и объекта прокурорского надзора, специфическими задачами и полномочиями прокуроров, а также потребностей специализации прокурорских работников принято выделять самостоятельные отрасли или подфункции прокурорского надзора [2, с. 59; 3, с. 269; 4, с. 228].

Такие выводы возможны, если под функцией понимать направления деятельности прокуратуры. Мы же считаем, что функции и направления деятельности прокуратуры – это разные понятия. Представляется, что «...направления деятельности прокуратуры – это те сферы общественных отношений, регулируемые правом, в которых участвует прокурор. В тех правоотношениях, в которых прокурор не участвует, – нет и прокурорской деятельности ... функция прокуратуры – это предусмотренная законодательством обязанность общего характера для достижения целей и выполнения задач, возложенных на прокуратуру государством и реализу-

емая с помощью соответствующих полномочий» [5, с. 22–23]. То есть функции реализуются в тех общественных отношениях, в которых участвует прокурор. Данные функции закреплены в ст. 1 Закона о прокуратуре РФ – это надзорная, уголовного преследования, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, международного сотрудничества, правотворческая и т.д. Функции реализуются в направлениях деятельности прокуратуры, а не наоборот.

По нашему мнению, в сфере деятельности прокуратуры не может быть подфункций, могут быть только функции. В вышеприведенных мнениях авторов «Настольной книги прокурора» и учебника «Прокурорский надзор» также говорится о сферах общественных правоотношений, где реализуется функция надзора, а эти сферы и есть направления деятельности прокуратуры. В данных направлениях прокуратура и обязана осуществлять свои функции.

Подфункции почему-то без всяких оснований отождествляются с отраслями прокурорского надзора. Несмотря на то что направления деятельности органов прокуратуры, закрепленные в гл. 1–4 Закона о прокуратуре РФ (надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина,

органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (ОРД), дознание и предварительное следствие, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу), традиционно именуются отраслями надзора, но с научной точки зрения это некорректно, т.к. в этих направлениях (сферах общественных отношений) реализуются и другие функции, а не только надзорная. Например, в отрасли надзора за исполнением закона органами, осуществляющими ОРД, предварительное следствие и дознание (гл. 3 Закона о прокуратуре РФ), прокуратура реализует еще и функцию уголовного преследования (ст. 37 УПК РФ). А по нашему мнению, в этой отрасли прокурором реализуются такие функции, как борьба с преступностью, руководство процессуальной деятельностью дознавателя и органов дознания, установление объективной истины по делу, правозащитная [6, с. 43].

В «Настольной книге прокурора» отмечается, что «каждая из этих подфункций сохраняет все структурные части функции, наполняя их вместе с тем различным содержанием» [1, с. 37]. Посыл правильный в том плане, что подфункции сохраняют все структурные ча-

сти функции, т.е., по мысли авторов, подфункции характеризуются теми же признаками, что и функция. А по-другому и быть не может, потому что это не подфункция и не отрасль надзора, а та же функция надзора. Содержание этой функции меняется в зависимости от того, в каком направлении деятельности (сферах общественных правоотношений) она реализуется. В этих направлениях свой предмет надзора, свои поднадзорные объекты, специальный объем и характер полномочий прокуроров, свои акты прокурорского реагирования, свои правовые акты, регулирующие деятельность поднадзорных объектов – УК и УПК РФ в уголовном судопроизводстве, ГК, АПК, ГПК РФ и др. – в гражданском, УИК РФ – в сфере деятельности органов, исполняющих наказание, но функция одна – надзорная.

С. Щерба и Т. Решетникова считают, что «в юридической литературе нередко в соответствии с советской традицией надзорные функции прокуратуры называются “надзорными отраслями”, что в рамках современной общей теории права следует признать необоснованным» [7, с. 4].

Также неверно дробить функцию на дополнительные и вспомогательные: «...представляются методологически и юридически некорректными высказывания о разделении (дроблении) функции

уголовного преследования на многочисленные дополнительные уголовно-процессуальные функции (функция раскрытия преступления, функция надзора за соблюдением закона при производстве по уголовному делу, функция обвинения в совершении преступления, функция поддержания гражданского иска); на вспомогательные функции (функция источника доказательств, иные вспомогательные функции)», потому что, как верно утверждают авторы, эта уголовно-процессуальная деятельность реализуется в рамках функции уголовного преследования [7, с. 6].

В многочисленных юридических словарях и словарях русского языка, к которым обращался автор, дается расшифровка только понятия «функция». После долгого поиска расшифровка понятия «подфункция» была найдена в книге «Глобальная экономика» – это «определенная часть функции, осуществляющая отдельный вид функциональной деятельности в системе управления» [8]. Из ее смысла вытекает, что подфункция – это та же функция, но только ее часть.

Мы не нашли четкого определения понятия подфункции в трудах ученых-юристов, и чем она отличается от функции. Большинство авторов, использующих понятие подфункции, также подразумевают под ним составные части функции:

«Что же касается основных направлений прокурорской деятельности, то к ним представляется правильным отнести важнейшие в рамках конкретных функций прокуратуры ее *составные части*, которые прокурором должны быть обеспечены в обязательном порядке в ходе осуществления функциональной деятельности. Как показывает практика, можно различать основные направления прокурорской деятельности в рамках пяти надзорных *подфункций* (они определены ст. 1 Закона о прокуратуре), а также и иных функций прокуратуры» [9, с. 9]. Из данного определения видно, что основные направления прокурорской деятельности автор отождествляет с подфункциями прокуратуры, но, как было сказано выше, направления прокурорской деятельности и функции прокуратуры – это разные понятия.

По мнению Н.Н. Карпова, общественные отношения, в которых участвует прокурор, – это объект деятельности прокуратуры. «Объект деятельности прокуратуры – та сфера общественных отношений, в которой комплексно осуществляется многофункциональная деятельность прокуратуры» [9, с. 10]. Такое утверждение автор связал с его предложением отказаться от понятия «прокурорский надзор» и заменить его на понятие «прокурорская деятельность». Данное

предложение считаем обоснованным, «поскольку в настоящее время традиционный термин “прокурорский надзор” не охватывает в полной мере все виды деятельности прокуратуры, необходимо ввести в служебный, практический оборот понятие “прокурорская деятельность”, которая представляет собою особый вид осуществляемой прокуратурой государственной деятельности, носит комплексный характер и разнообразные формы, осуществляется в соответствии с нормами Конституции и федерального законодательства посредством выполняющего главную составляющую часть этой деятельности надзора за исполнением конституционных и законодательных норм, уголовного преследования и выполнения других возложенных на прокуратуру функций» [9, с. 9].

Предложение признать объектом прокурорской деятельности общественные отношения коррелирует с понятием объектов уголовного права, гражданского права и других отраслей права, где объектами также являются общественные отношения, урегулированные нормами этих отраслей. Данный вопрос подлежит дальнейшему исследованию. Однако в прокурорском надзоре, как сейчас называется данная отрасль права, под объектами традиционно понимаются различные органы власти, предприятия, учреждения,

их должностные лица, за которыми осуществляется надзор, т.е. поднадзорные объекты.

Что касается соотношения функций и направлений деятельности прокуратуры (такую деятельность называют еще прокурорской деятельностью, основными направлениями прокурорской деятельности, приоритетными направлениями деятельности прокуратуры, но по существу это одно и то же), то можно выделить две основные точки зрения, преобладающие в научной литературе: 1) направления деятельности прокуратуры являются составными частями ее функций и иногда называются подфункциями или отраслями прокурорского надзора; 2)

функции прокуратуры реализуются в направлениях деятельности прокуратуры, которые представляют из себя те сферы общественных правоотношений, в которых участвует прокурор. Эти сферы обозначены в Законе о прокуратуре РФ.

Обсуждение в научной среде понятий и содержания функций и подфункций прокуратуры, направлений ее деятельности, участков работы, отраслей прокурорского надзора, направлений прокурорского надзора [3] находится в самом «зените», и хочется верить, что в скором времени будет выработан единый подход к решению данных вопросов, который должен быть закреплен законодательно.

Библиографический список

1. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практ. пособие / [О.С. Капинус и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова; под науч. ред. А.Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022.
2. Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов. 17-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.
3. Правоохранительные органы России: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.
4. Решетняк А.А. Направления деятельности и функции органов прокуратуры // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 11(68). С. 227–233.
5. Тушев А.А. Направления деятельности, функции, полномочия прокуратуры и отрасли прокурорского надзора // Законность. 2021. № 4. С. 20–25.
6. Тушев А.А. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2023.
7. Щерба С., Решетникова Т. Конституционные новеллы о системе и иерархии функций прокуратуры // Законность. 2021. № 4. С. 3–6.
8. Глобальная экономика: энциклопедия / под ред. И.М. Куликова. М.: Финансы и статистика, 2011. URL: <https://1148.slovaronline.com/4739-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%84%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 06.03.2025).
9. Карнов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 7–11.

Н.М. Перетяцько,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

А.Е. Федюнин,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ, ВЫПОЛНЯЕМОЙ ПРОКУРОРОМ В СТАДИИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Вопрос о выполняемой прокурором функции, в том числе в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, является предметом дискуссий довольно продолжительное время [1, с. 87; 3, с. 67; 4, с. 414]. Поиск путей его разрешения имеет не только научный интерес, но и сугубо практическое значение, поскольку результат урегулирования возможной коллизии между действием принципов состязательности и свободы оценки доказательств в случае противоречий во мнениях суда и прокурора относительно необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств обуславливает подход к обжалованию действий прокурора заинтересованными лицами.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 декабря 2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» указал, что «в исключительной стадии возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств процессуальные полномочия прокурора связаны не столько ролью стороны обви-

нения, сколько целями надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, каковые стоят перед прокуратурой Российской Федерации как единой федеральной централизованной системой органов».

Подобный взгляд на выполняемые в уголовном судопроизводстве функции прокурора влечет за собой соответствующие выводы о его особом процессуальном статусе, несовместимом с ролью стороны в процессе, о том, что его полномочия в одной из стадий уголовного процесса регламентируются не Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), а Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», и, как следствие, о независимости мнения прокурора от мнения суда, что и продемонстрировано в полной мере в жизненной ситуации, описанной в жалобе гражданина Ф.Б. Исхакова. Конституционный Суд РФ охарактеризовал сложившееся положение, послужившее поводом для обращения в высокий суд, максимально лояльно: «по вопросу о наличии или отсутствии во вступившем в законную силу приговоре фундаментальной ошибки длительное время остаются расхождения между позициями проку-

рора и суда». В данной фразе присутствует намек на обстоятельства, когда прокурор достаточно продолжительное время (которое может достигать нескольких лет) не исполняет судебное решение, вынесенное по итогам обжалования его незаконного бездействия.

Для исправления сложившейся ситуации Конституционным Судом РФ предлагается (имея ввиду некую особую роль прокурора в контрольных стадиях уголовного процесса) предоставить судебной инстанции возможность самостоятельно принять решение об отмене приговора, определения или постановления суда и о передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства либо принять решение об их отмене и прекращении уголовного дела (но лишь при совпадении определенных условий). На наш взгляд, это позволит суду не только выполнять функцию контроля за соблюдением законности и правопорядка, но и активно участвовать в процессе достижения справедливости. Учитывая, что судебная система призвана защищать права и законные интересы граждан, возможность инициирования пересмотра дел на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств становится важным инструментом для исправления возможных судебных ошибок и восстановления нарушенных прав.

Такая практика способствует повышению доверия к судебной системе со стороны общества. Граждане должны быть уверены, что даже в случае вынесения решения, которое впоследствии оказывается ошибочным, существует механизм, позволяющий его пересмотреть. Это создает дополнительные гарантии правовой защиты и укрепляет принцип правового государства.

Таким образом, инициирование процедуры пересмотра уголовного дела судом подчеркивает важность динамичного подхода к правоприменению и необходимость адаптации судебной практики к изменяющимся социальным условиям и новым фактам. Это способствует не только справедливости в конкретных делах, но и повышению общей эффективности уголовного правосудия, отвечает назначению уголовного процесса, способствуя установлению надежных гарантий обеспечения прав и законных интересов участвующих в нем лиц.

В целом положительно оценивая выраженную позицию Конституционного Суда РФ, акцентируем внимание на одном из неперемennых условий реализации данного полномочия суда, а именно «признании ранее судом незаконности или необоснованности постановления прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по дан-

ному делу или неправомерность бездействия прокурора по подготовке заключения о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам». В связи с этим напрашивается вопрос – насколько будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве такого условия, как многолетнее игнорирование состоявшегося решения суда должностным лицом органа прокуратуры? Полагаем, что данная тенденция может в значительной степени снизить эффективность такой конституционной и процессуальной гарантии, как судебный контроль, что недопустимо. Право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и способ восстановления нарушенных прав и свобод, который достигим лишь при констатации в зале суда мнения прокурора.

Представляется более обоснованной и отвечающей принципу состязательности сторон, имеющему не только отраслевое, но и конституционное закрепление, точка зрения относительно осуществления прокурором функции уголовного преследования во всех судебных стадиях уголовного судопроизводства (в том числе судебно-контрольных). Указанные полномочия прокурора следует рассматривать в динамике, от стадии к стадии

они варьируются, однако в сумме составляют единый механизм уголовного преследования [2, с. 18], основным источником регулирования которого является УПК РФ, выделяющий в качестве основной функцию уголовного преследования, а не Закон о прокуратуре. В механизме реализации уголовного преследования по уголовным делам допустимо выделять и правозащитные задачи.

Установление того, что прокурор выступает стороной на всех этапах процесса и выполняет единую непрерывную функцию, приводит к выводу о возможности обжалования его действий в соответствии с порядком, установленным УПК РФ. Прокурор, как и любой другой участник уголовного судопроизводства, обязан следовать решениям суда, принятым в рамках осуществления судебного контроля.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора»

прослеживается мысль о необходимости использования двух альтернативных правовых механизмов обжалования решений прокурора, целесообразность применения которых ставится в прямую зависимость от того этапа, на котором им принималось обжалуемое решение. Решение прокурора как об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, так и о возбуждении такого производства заявитель и иные заинтересованные лица вправе обжаловать в суде в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, даже если оно не было оформлено в виде соответствующего постановления. Если же заинтересованное лицо не согласно с решением прокурора, который уже после проведенной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств прекратил возбужденное им производство, то такое лицо, в соответствии с ч. 3 ст. 416 УПК РФ, вправе обжаловать решение прокурора непосредственно в суде, правомочном решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств согласно ст. 417 УПК РФ, а не в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, порядок, содержащийся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, содействует реализации прав заинтересованных

лиц. В нем учитывается как принцип состязательности сторон, так и принцип свободы оценки доказательств. Он предоставляет суду возможность, не предрешая позицию прокурора, указать на предполагаемые нарушения закона и осуществить свои полномочия при отправлении правосудия без ограничений в оценке доказательств, согласно ст. 125 УПК РФ, даже если проку-

рор уже выработал окончательное мнение по делу по итогам проведенной по правилам ст. 417 УПК РФ проверки. Для приведения норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в соответствие с конституционными предписаниями и устранения выявленных недостатков предлагаем внести необходимые изменения в гл. 49.

Библиографический список

1. *Гехова Д.Х.* Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 219 с.
2. *Крюков В.Ф.* Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (до-судебное и судебное производство): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 52 с.
3. *Романов С.В.* Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 282 с.
4. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. А.Г. Халиулина. М., 2016. 505 с.

К.А. Оркина,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного
университета им. О.Е. Кутафина

МЕТОДИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ДЕЛАМ О ДАЧЕ ИЛИ ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ

Коррупционные преступления подрывают доверие граждан к органам государственной власти, искажают принципы справедливости и законности, препятствуют эффективному функционированию правового государства.

Борьба с коррупцией, включая такие преступления, как дача и получение взятки, является одной из важнейших задач правоохранительных органов в Российской Федерации. В связи с этим особую актуальность приобретает организация эффективного прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела по данным преступлениям. Указанная стадия играет ключевую роль, т.к. именно на этом этапе закладываются основы для дальнейшего расследования и привлечения виновных к ответственности.

Особую актуальность имеют вопросы надлежащей организации прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела о даче или получении взятки.

Актуальность данного вопроса также обусловлена иными факторами:

1. Увеличение числа коррупционных преступлений. Так, за первое полугодие 2024 г. в России было выявлено 10 251 человек, обвиненных в коррупции, что представляет собой рекордное значение за аналогичный период времени за последние 13 лет (2023 г. – 9 917 случаев коррупции; 2022 г. – 9 880; 2021 г. – 8 792) [1]. Мы наблюдаем ежегодный рост статистики преступлений, связанных с дачей и получением взяток, что требует повыше-

ния эффективности прокурорского надзора на всех этапах уголовного судопроизводства, включая стадию возбуждения уголовного дела.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, также обнаруживает увеличение количества вынесенных за взятки приговоров – на 14 % (за 2023 г.) [2].

Специфика расследования коррупционных дел. Преступления, связанные с взяточничеством, обладают повышенной латентностью, сложностью в установлении фактов и доказательств, поскольку взятка может быть простой и замаскированной. Например, оформление фиктивного договора дарения квартиры или автомобиля, а также любого ценного имущества; размещение в санатории для лечения или отдыха за существенно низкую стоимость; дарение подарка под законным предлогом (юбилей, день рождения ребенка, день крепкой дружбы); оплата поездки за границу. Это предъявляет особые требования к работе прокурора, который должен обеспечить законность и своевременность процессуальных действий.

2. Роль прокурора на досудебных стадиях. Прокурор выполняет ключевую функцию по надзору за соблюдением законности в деятельности следственных органов, оперативных служб и органов дознания,

что требует глубокого анализа правового статуса и полномочий прокурора в контексте борьбы с коррупционными проявлениями.

3. Потребность в унификации подходов и разработке методики. На сегодняшний день отсутствует единая методика осуществления прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовных дел о взяточничестве, что приводит к различному толкованию норм закона и снижению эффективности работы правоохранительных органов.

4. Влияние на общественные интересы. Прокурорский надзор, базирующийся на четких правовых и методологических основах, позволяет оперативно выявлять и устранять коррупционные правонарушения, защищая общественные и государственные интересы.

Таким образом, исследование вопросов, связанных с организацией и методикой осуществления прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела о даче или получении взятки, способствует не только повышению эффективности борьбы с коррупцией, но и развитию правоприменительной практики, что играет важную роль в укреплении принципов законности и справедливости в обществе.

Эффективность данного надзора зависит от профессионализма прокуроров, их способности опера-

тивно реагировать на выявленные нарушения и применять меры для их устранения. Современные вызовы требуют постоянного совершенствования прокурорской деятельности, развития законодательной базы и внедрения новых технологий в процесс надзора. Только при условии комплексного подхода к решению существующих проблем можно обеспечить надежную защиту прав и свобод граждан на начальном этапе уголовного судопроизводства.

На стадии возбуждения уголовного дела о даче или получении взятки прокурор решает ряд ключевых задач:

1. Контроль за соблюдением законности при принятии решений о возбуждении дела. Прокурор проверяет, соблюдены ли требования УПК РФ при рассмотрении материалов проверки сообщения о преступлении.

2. Оценка достаточности и допустимости доказательств. Прокурор проверяет, обосновано ли принятое решение, имеются ли достаточные данные, указывающие на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 290 и 291 УК РФ.

3. Обеспечение защиты прав участников процесса. Прокурор обязан следить за тем, чтобы в ходе проверки сообщения о преступлении и принятия решения о возбуждении уголовного дела не были

нарушены права подозреваемых, потерпевших и иных участников процесса.

4. Пресечение возможных злоупотреблений со стороны следователей и дознавателей. Это особенно важно в делах о коррупции, где возможны попытки скрытия преступлений или фальсификации доказательств.

Перед возбуждением уголовного дела прокурор осуществляет анализ материалов проверки сообщения о преступлении. В данной деятельности применяются следующие методики:

- анализ источников информации. Прокурор изучает поступившие данные, включая заявления граждан, сообщения из средств массовой информации, результаты оперативно-разыскной деятельности, а также доклады сотрудников правоохранительных органов. Особое внимание уделяется достоверности и полноте представленных сведений;

- проверка соответствия материалов требованиям УПК РФ. Прокурор проверяет, правильно ли оформлены протоколы опроса заявителя, документы, подтверждающие факт передачи или получения взятки, а также соблюдены ли сроки рассмотрения сообщения о преступлении;

- оценка доказательств. Прокурор должен установить наличие

прямых и косвенных доказательств, подтверждающих факт дачи или получения взятки. Это могут быть показания свидетелей, данные аудио- и видеозаписей, результаты оперативно-разыскных мероприятий;

- прокурорский контроль за действиями правоохранительных органов.

При осуществлении надзора прокурор контролирует действия сотрудников правоохранительных органов, ответственных за возбуждение уголовного дела о даче или получении взятки. Основные аспекты данного контроля:

1. Соблюдение порядка проведения оперативно-разыскных мероприятий. Прокурор проверяет, законно ли проведены оперативные мероприятия, такие как контроль и запись телефонных переговоров, наблюдение, проверочная закупка и др.

2. Правомерность применения специальных средств. При расследовании дел о взяточничестве нередко используются специальные средства, например маркировка денежных средств или запись передачи взятки. Прокурор проверяет соблюдение требований закона при их применении.

3. Анализ мотивировочной части постановления о возбуждении дела. Прокурор оценивает, содержит ли данное постановление все

необходимые элементы, предусмотренные ст. 146 УПК РФ, включая описание события преступления и указание на достаточность оснований для возбуждения дела.

4. Контроль за соблюдением сроков. Прокурор обязан следить за тем, чтобы сроки рассмотрения сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела соответствовали требованиям законодательства. Несоблюдение сроков может привести к утрате доказательств и нарушению прав участников процесса.

Эффективное осуществление надзора на стадии возбуждения уголовного дела требует налаженного взаимодействия прокурора с другими субъектами правоохранительной деятельности:

- оперативными подразделениями. Прокурор согласовывает и контролирует проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление факта взятки, ее участников и обстоятельств;

- следователями и дознавателями. Прокурор может давать указания о проведении дополнительных проверок или предоставлении дополнительных материалов для возбуждения дела. Имеющиеся в уголовном деле доказательства должны способствовать формированию у прокурора, осуществляющего надзор за расследованием конкретного факта получения взят-

ки, внутреннего убеждения в этом. Обязательным «объектом прокурорского надзора являются действия следователя по обеспечению прав и законных интересов участников досудебного производства по делу, в том числе по обеспечению права подозреваемого, обвиняемого на защиту, а также участию переводчика в случае задержания в качестве подозреваемого, привлечения в качестве обвиняемого лица, не владеющего языком судопроизводства» [3, с. 114].

Прокурору также необходимо требовать от следователей, чтобы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении было изложено, какие интересы преследовал взяткодатель и, следовательно, какие действия в рамках служебного поведения должен был совершить взяткополучатель для удовлетворения этих интересов, а в деле должны содержаться подтверждающие эти действия доказательства.

Таким образом, следователю необходимо доказать, а прокурору качественно проверить наличие причинно-следственной связи между получением денег, ценностей и прочего и совершением действий в пользу взяткодателя;

- судебными органами. В случае необходимости прокурор может обращаться в суд с ходатайствами о санкционировании оперативно-ра-

зыскных мероприятий или иных действий, требующих судебного разрешения;

- финансовыми и банковскими учреждениями. При расследовании дел о взяточничестве прокурор может координировать запросы в банки для получения данных о финансовых операциях подозреваемых.

Хотелось бы отметить и проблемы, которые снижают эффективность прокурорского надзора на стадии возбуждения дел о взятках:

1. Недостаточная техническая оснащенность. Для эффективного выявления и фиксации фактов взяточничества необходимо использование современных технических средств, доступ к которым ограничен.

2. Нехватка квалифицированных кадров. Работа с делами о коррупции требует высокой квалификации, знания специфики оперативно-разыскной и процессуальной деятельности.

3. Сложность доказывания. Нередко факт взятки невозможно подтвердить без признательных показаний участников преступления.

В качестве путей повышения эффективности деятельности органов прокуратуры можно выделить:

1. Повышение квалификации сотрудников. Организация регулярных обучающих мероприятий для прокуроров, следователей и опе-

ративников. Вынесение наиболее острых вопросов деятельности органов на координационные совещания.

2. Совершенствование законодательства. Введение дополнительных норм, направленных на упрощение доказывания и обеспечение прозрачности в расследовании дел о коррупции.

3. Расширение технических возможностей. Обеспечение правоохранительных органов современным оборудованием для фиксации доказательств.

Методика осуществления прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела о даче или получении взятки – сложный

и многогранный процесс, включающий контроль за законностью действий правоохранительных органов, анализ доказательств, защиту прав граждан и координацию взаимодействия с другими органами. Эффективность надзора напрямую влияет на успешное расследование таких дел и обеспечение справедливого наказания за коррупционные преступления. В связи с этим дальнейшее совершенствование методик прокурорского надзора, повышение квалификации сотрудников и улучшение материально-технической базы остаются приоритетными задачами для обеспечения законности и правопорядка в сфере борьбы с коррупцией.

Библиографический список

1. В Генпрокуратуре РФ рассказали о количестве выявленных коррупционеров. URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/01/25/v-genprokurature-rf-rasskazali-o-kolichestve-vyyavlennykh-korrupcionerov.html> (дата обращения: 15.02.2025).
2. О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 15.02.2025).
3. *Исаенко В.Н., Ищенко П.П., Коршунова О.Н.* Теория и практика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений: учеб. пособие / под ред. В.Н. Исаенко. М.: Юрлитинформ, 2018. 207 с.

О.А. Грачёва,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

В.В. Марцинкевич,

прокурор города Пятигорска, советник юстиции

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Роль прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, согласно УПК РФ, заключается, во-первых, в осуществлении уголовного преследования в пределах своей компетенции, а во-вторых в реализации надзорной функции за законностью деятельности органов предварительного расследования. Стоит отметить, что уголовное преследование и надзор – это две самостоятельные функции прокурора, тесно коррелирующие между собой в досудебном производстве.

В соответствии с положениями ст. 37 УПК РФ реализации полномочий прокурора обязательно предшествует осуществление им проверочных действий, даже если в законодательстве не говорится напрямую о проведении проверок. Таким образом, эффективным способом установления и подтверждения факта правонарушения является прокурорская проверка. Например, требовать от органов предварительного расследования устранения правонарушений невозможно без проведения проверки материалов уголовных дел. Меры прокурорского реагирования, направленные на устранение нарушений закона, только тогда будут считаться обоснованными, когда это будет подкреплено фактами выявленных в ходе проверки нарушений закона.

Одним из способов познания каких-либо явлений, объектов выступает их научная классификация, которую нельзя рассма-

тривать как попытку установить их сравнительную ценность, распределить на лучшие и худшие. Научная классификация, как подчеркивает А.Р. Шляхов, «в процессе познания играет важную роль инструмента (способа, логической операции) получения новых данных, решения научных и практических задач» [1, с. 23].

Многие авторы, занимающиеся проблемами осуществления прокурорского надзора, проводили классификации проверок прокурора, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [2–5]. Например, Е.Р. Ергашев говорит лишь о таких видах проверок, как «проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК) и проверка доказательств в порядке ст. 87 УПК РФ» [6, с. 89].

Н.В. Жогин называет следующие виды прокурорских проверок:

- проверки разрешения первичных материалов о преступлении, законности и обоснованности возбуждения уголовных дел, подразделяя их на проверки законности реагирования на первичные материалы о преступлениях и проверки законности и обоснованности возбуждения и отказа в возбуждении уголовных дел;
- проверки соблюдения законности при производстве предва-

рительного расследования, среди которых автор выделяет: проверку законности и обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности; проверку законности применения органами следствия и дознания мер процессуального принуждения; проверку обеспечения прав участников процесса; проверку законности обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением; проверку материалов дела, поступившего с обвинительным заключением; проверку профилактической работы органов предварительного расследования [7, с. 111–121, 132, 145, 159, 169, 187, 194].

Как представляется, на основе анализа уголовно-процессуального законодательства можно обозначить следующие виды проверок прокурора:

- прокурорская проверка исполнения федерального законодательства на стадии возбуждения уголовного дела;
- прокурорская проверка законности процессуальной деятельности органов дознания и следствия в ходе расследования уголовного дела;
- прокурорская проверка, проводимая в связи с поступлением жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя,

руководителя следственного органа, нижестоящего прокурора;

- прокурорская проверка законности рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и его фактическом заключении;

- полная проверка прокурором материалов уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) [8, с. 58].

По результатам деятельности органов прокуратуры Саратовской области за десять месяцев 2024 г. в данном направлении надзора уже на этапе проведения первого вида проверок – проверок прокурором законности приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях – выявлено в два раза больше нарушений закона, чем в ходе предварительного расследования. В большинстве случаев, как показывает статистика, такие нарушения устранялись либо путем внесения требований об устранении нарушений закона, либо путем отмены прокурором постановлений следователя/дознателя об отказе в возбуждении уголовного дела [9].

Существенное реформирование характера полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования привело к выделению соответствующих

видов прокурорских проверок. Согласно приказам Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» Генеральный прокурор РФ ориентирует нижестоящих прокуроров при проведении надзорных проверок обращать особое внимание на следующие приоритетные направления:

- проверка законности приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлении;

- проверка законности возбуждения уголовного дела;

- проверка законности отказа в возбуждении уголовного дела;

- проверка законности применения мер процессуального принуждения;

- проверка законности привлечения лиц в качестве обвиняемых (если уголовное дело расследуется в форме предварительного следствия);

- проверка законности, объективности, полноты, всесторонности предварительного следствия и дознания;

- проверка законности прекращения уголовного дела (уголовного преследования);

- проверка законности приостановления предварительного следствия;

- проверка законности обвинительного заключения, акта, постановления;

- обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, при осуществлении проверок в досудебном производстве прокурор является непосредственным участником такой деятельности, поскольку наря-

ду с надзорной функцией реализует и функцию уголовного преследования. Соответственно, в процессе проведения прокурорских проверок процессуальной деятельности органов предварительного расследования должны быть решены задачи не только выявления нарушений закона, но и установления всесторонности, полноты, целесообразности такой деятельности и возможности осуществления уголовного преследования по делу в целом.

Библиографический список

1. *Шляхов А.Р.* Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

2. *Решетникова Т., Щерба С.* Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью Следственного комитета Республики Беларусь: опыт, значимый для России // *Законность*. 2015. № 3. С. 41–45.

3. *Корякин В.М.* Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации // *Право в вооруженных силах*. 2015. № 3. С. 2–5.

4. *Дытченко Г.В., Никитин Е.Л.* Сущность и назначение прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 1 (102). С. 200–206.

5. *Химичева О.В., Шаров Д.В.* К вопросу об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью и обоснованностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 5. С. 98–101.

6. *Ергашев Е.Р.* Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // *Уголовное право*. 2008. № 4. С. 88–92.

7. *Жогин Н.В.* Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1968. 261 с.

8. *Грачёва О.А.* Проверка исполнения закона как основная форма надзора прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.

9. Результаты деятельности органов прокуратуры Саратовской области за 10 месяцев 2024 года. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/activity/statistics/office/result?item=99092009 (дата обращения: 17.01.2025).

Е.Г. Лиходаев,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, представляя собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, в то же время встречается в судебной практике крайне редко. Может быть, из-за этого ее законодательная регламентация носит достаточно фрагментарный характер. Однако, если в кассационной и надзорной инстанциях речь идет о проверке законности вступивших в законную силу приговоров, то в указанном случае – о фактических обстоятельствах, т.е. в какой-то степени о проверке обоснованности приговора. Именно с этим законодатель связывает необходимость проведения расследования или проверки, и ведущую роль в обозначенном процессе УПК РФ отводит прокурору, в связи с чем встает вопрос о его полномочиях, сущности деятельности в целом на данной стадии.

В соответствии со ст. 415 УПК РФ прокурор вправе возбуждать производство ввиду вновь открывшихся обстоятельств, о чем он выносит соответствующее постановление, проводит проверку, истребует копию приговора и справку суда о вступлении его в законную силу. По итогам проверки прокурором составляется заключение о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, которое вместе с уголовным делом, копией приговора и материалами проверки направляется в суд.

Если проведение расследования при производстве ввиду новых обстоятельств в какой-то степени регламентировано УПК РФ (при расследовании новых обстоятельств следственными органами могут производиться следственные и иные процессуальные

действия в порядке, установленном УПК РФ) и о деятельности прокурора можно говорить как об осуществлении прокурорского надзора за органами расследования, то проведение соответствующей проверки вновь открывшихся обстоятельств процессуальным законодательством не регламентировано. На это не указывают ни постановления Пленума Верховного Суда РФ, ни приказы Генерального прокурора РФ. Не отвечают они и на вопрос о сущности деятельности прокурора при проведении проверки вновь открывшихся обстоятельств.

Большинство ученых, изучавших данную стадию уголовного процесса, приходят к выводу, что сущностью деятельности прокурора в рамках производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является правозащита [1], т.к. возбуждение прокурором соответствующего производства, по их мнению, не является актом, иницилирующим уголовное преследование [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор в ходе уголовного судопроизводства осуществляет от имени государства только уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, в этом случае речь в контексте защиты прав человека может идти о назначении

уголовного судопроизводства, в том числе деятельности прокурора (так, в ч. 1 ст. 6 УПК РФ говорится о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод). При этом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства.

В ходе проверки вновь открывшихся обстоятельств вести речь о прокурорском надзоре не представляется возможным, т.к. его предметом является процессуальная деятельность органов дознания и предварительного следствия; в данном же случае мы имеем дело с оценкой законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иных судебных решений по уголовным делам. Прокурорский надзор на этой стадии имеет место только в отношении деятельности органов предварительного следствия по расследованию новых обстоятельств. При этом мы исходим из того, что прокурорский надзор, «с одной стороны, выступает формой реализации уголовного преследования, осуществляемого стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого (обвиняемого) в соверше-

нии преступления и направленного на достижение цели защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; с другой стороны, прокурорский надзор ориентирован и на обеспечение прав подозреваемых, обвиняемых при осуществлении в отношении них уголовного преследования, так как обеспечивает его законность и обоснованность» [3, с. 18].

Таким образом, речь может идти только о том, что на стадии производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств прокурором осуществляется уголовное преследование.

На такой же вывод наталкивает и анализ определения понятия уголовного преследования, содержащегося в п. 55 ст. 5 УПК РФ: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». При этом одной из целей проводимой прокурором проверки при наличии вновь открывшихся обстоятельств, несомненно, является выяснение, каким образом повлияли на законность, обоснованность и справедливость приговора или иного судебного решения по делу заведомо ложные показания потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, а равно подложные веществен-

ные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы или заведомо неправильный перевод, а также преступные действия дознавателя, следователя, прокурора. Но в любом случае наличие вновь открывшихся обстоятельств рассматривается прокурором с точки зрения законности осуществленного ранее уголовного преследования. Даже если вновь открывшиеся обстоятельства явились причиной принятия незаконного, необоснованного и несправедливого обвинительного приговора, это позволяет прокурору обеспечить в дальнейшем законное и справедливое уголовное преследование лица, виновного в совершении преступления. Составляемое в порядке ст. 416 УПК РФ заключение прокурора о наличии основания для возобновления производства по уголовному делу представляет собой и оценку эффективности уголовного преследования, осуществлявшегося ранее.

В то же время позиция Конституционного Суда РФ, касающаяся возможности осуществления прокурором при проведении проверки вновь открывшихся обстоятельств уголовного преследования, вызывает вопросы. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено, как отметил Конституционный Суд РФ,

не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследовать фактические обстоятельства, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по делу (определения Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2215-О, от 26 марта 2020 г. № 781-О и др.).

Однако заключение прокурора законодатель рассматривает как единственный механизм возобновления производства (исключением из общего правила являются обстоятельства, указанные в п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Предметом судебного разбирательства в порядке гл. 49 УПК РФ является «проверка законности, обоснованности и справедливости судебных решений только с учетом доводов, приведенных в заключении прокурора» [4, с. 35]. Но при этом положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по за-

ключению прокурора» (носящее во многом нормотворческий характер) не предусмотрели механизм принятия такого заключения прокурора и в определение сущности деятельности прокурора на данной стадии судопроизводства никакой ясности тоже не внесли.

Представляется, что в ст. 416 УПК РФ необходимо внести изменения, предусматривающие порядок проведения проверки. Так, должны быть определены полномочия прокурора (как вариант, статья могла бы включать отсылки к положениям закона о прокуратуре об истребовании документов и материалов, отобрании объяснений у граждан и должностных лиц; в любом случае прокурор должен обладать правом истребования материалов уголовного дела). Срок такой проверки, по нашему мнению, должен составлять не более месяца, а также должна быть прямо закреплена возможность обжалования результатов проверки как вышестоящему прокурору, так и в суд с прямой отсылкой к ст. 124, 125 УПК РФ.

Таким образом, многих вопросов можно было бы избежать, если бы уголовно-процессуальное законодательство более детально регламентировало деятельность прокурора при возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Библиографический список

1. *Шаталов А.С.* Правозащитный потенциал института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. № 4. С. 29–42.
2. *Смирная Л.В.* Следственные и иные процессуальные действия по уголовным делам, возбужденным ввиду новых обстоятельств // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2015. № 2 (34). С. 56–59.
3. *Лиходаев Е.Г.* Реализация прокурором принципа охраны прав личности на стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.
4. *Алексеева Т.М.* Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: актуальные проблемы на примере конкретного дела // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 2. С. 33–37.

Н.О. Овчинникова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Исключением из принципа публичности уголовного судопроизводства является порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности по делам частного обвинения, к которым Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) относит умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности; нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий в виде причинения легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности; клевету [1].

В силу небольшой общественной опасности указанных преступных деяний обвинительная деятельность по делам частного обвинения осуществляется потерпевшим самостоятельно или через законного представителя. После принятия мировым судьей к производству заявления о преступлении потерпевший или его законный представитель наделяется процессуальным статусом частного обвинителя. Тем не менее в ситуациях, когда потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, а также когда преступление совершено лицом, данные о котором неизвестны, к участию в деле привлекается прокурор.

Порядок вступления прокурора в уголовное дело частного обвинения зависит от того, на каком этапе уголовно-процессуальной деятельности станет достоверно известно о невозможности потер-

певшего самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы в случае совершения в отношении него преступления, отнесенного к делам частного обвинения.

В случае, когда об этом достоверно известно уже в стадии возбуждения уголовного дела, руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении по делам частного обвинения и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя. Основания для этого предусмотрены в ряде норм УПК РФ. К ним относятся: зависимое или беспомощное состояние потерпевшего, а также невозможность по иным причинам защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20); отсутствие сведений о лице, совершившем преступление (ч. 1.2 ст. 319); принадлежность лица, совершившего преступление, к отдельной категории лиц, в отношении которых предусмотрен особый порядок уголовного судопроизводства (ст. 447).

В тех случаях, когда по делу частного обвинения заявление подано в отношении лица, данные о котором потерпевшему неизвестны либо не содержатся в заявлении потерпевшего, судья, отказывая в принятии заявления к своему производству, направляет его руководителю

следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление. В этом случае порядок возбуждения, расследования и разрешения уголовного дела осуществляется по общим правилам.

При поступлении заявления о привлечении к уголовной ответственности лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, мировой судья или судья гарнизонного военного суда отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет его руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 448 УПК РФ.

Если же факт о невозможности потерпевшего самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы в случае совершения в отношении него преступления, отнесенного к частному обвинению, становится известным после принятия мировым судом заявления к производству, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора (ч. 8 ст. 318 УПК РФ). Именно на этом этапе вступления прокурора в дела частного обвинения и обнаруживается пробельность правового регулирования и, как следствие, целый ряд вопросов правоприменительно-го толка.

Часть 8 ст. 318 УПК РФ, указывая на привлечение к участию в деле частного обвинения прокурора, в случаях, когда потерпевший не может защищать свои интересы самостоятельно, не устанавливает никаких критериев определения возможности или невозможности защиты лицом своих прав. Названные в упомянутой норме оценочные категории зависимого или беспомощного состояния либо иные причины представляются слишком широкими в части их толкования и не позволяют точно установить круг ситуаций, при которых возможно привлечение прокурора к участию в деле частного обвинения в порядке данной статьи. Пленум Верховного Суда РФ также не дает подробных разъяснений по поводу указанных критериев, ограничиваясь лаконичной формулировкой, что к таким случаям следует относить, например, материальную и иную зависимость потерпевшего от лица, совершившего преступление. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее [2].

Кроме того, указанная норма, устанавливая возможность привлечения к участию в деле прокурора,

не определяет его правовой статус в таком процессе, не закрепляет его процессуальные функции, а следовательно, и круг его прав и обязанностей, а также порядок взаимодействия с потерпевшим. Не регламентирован также и правовой статус потерпевшего, выполняющего роль частного обвинителя в случае применения положений ч. 8 ст. 318 УПК РФ: остается неясным вопрос о возможности поддержания им обвинения как частным обвинителем и примирения с обвиняемым [3].

При наличии встречного заявления по делу частного обвинения неопределенной остается процедура такого судебного заседания, в котором с одной стороны будет выступать частный обвинитель, а с другой – прокурор в порядке ч. 8 ст. 318 УПК РФ. Нерешенным остается и вопрос о том, будет прокурор в таком случае являться государственным обвинителем или же он останется в статусе прокурора и будет выступать от имени потерпевшего в качестве представителя, защищающего его права от имени государства.

Вопрос толкования невозможности защиты своих прав и законных интересов потерпевшим часто становится предметом разногласий не только в научной среде, но и в практике уголовного судопроизводства [4, с. 39]. Так, в по-

становлении Аткарского городского суда Саратовской области от 29 января 2024 г. № 1 113/20231–17/2024 по делу № 1–113/2023 судом было установлено, что несовершеннолетие потерпевшего само по себе не может являться обстоятельством, свидетельствующим о невозможности защиты его прав и законных интересов в порядке частного обвинения. В то же время орган дознания и прокурор при возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, посчитали несовершеннолетие достаточным основанием для установления невозможности потерпевшим защиты своих прав. В результате уголовное дело было возвращено прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, в связи с незаконностью возбуждения уголовного дела [5].

Привлечение судом прокурора должно быть обоснованным. Основанием для принятия такого решения должны стать объективные факторы, в связи с которыми невозможно собирание доказательств и поддержание обвинения потерпевшим самостоятельно. В число таких факторов не должны входить незнание потерпевшим уголовно-процессуального закона, низкий уровень образования и отсутствие доказательственной базы в заявлении потерпевшего. Необоснованное привлечение прокурора к участию

в деле частного обвинения может затрагивать права как обвиняемого, так и самого потерпевшего, поскольку он лишается возможности непосредственно влиять на исход дела [6].

В судебной практике мировых судей крайне редки примеры привлечения прокурора к участию в деле частного обвинения в порядке ч. 8 ст. 318 УПК РФ. Представляется, что именно неопределенностью выполняемой прокурором процессуальной функции, вызванной несовершенством законодательной регламентации, обусловлено нежелание мировых судей привлекать прокуроров к участию в делах частного обвинения [7, с. 66].

Таким образом, существующее правовое регулирование является пробельным в части регламентации критериев определения беспомощности и зависимости потерпевшего, а также невозможности потерпевшего в силу иных причин защищать свои права и интересы. Данные критерии, безусловно, не могут носить категоричный и исчерпывающий характер, однако законодатель в состоянии внести конкретизацию и уточнение указанных законоположений, оставив при этом для Верховного Суда РФ возможность расширительного толкования указанных норм.

Положение закона о возможности привлечения мировым судом

прокурора к участию в деле частного обвинения, если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший не может самостоятельно защищать свои права, также является пробельным в части регламентации процедуры судебного заседания по такому делу, поскольку законодательно не определены функции, выполняемые прокурором и частным обвинителем в данном процессе, что порождает ряд противоречий на практике.

В описанной ситуации представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в ч. 8 ст. 318 УПК РФ. Чтобы исключить неконкретизированность и противоречивость правового регулирования в вопросах выполняемых прокурором функций по делам частного обвинения при его вступлении в дело после принятия мировым судом заявления к своему производству, следует предусмотреть порядок, аналогичный установленному

в ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ. То есть если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния не может защищать свои права и законные интересы, то мировому судье следует направить заявление потерпевшего и приложенные к нему материалы в орган предварительного расследования для производства расследования в общем порядке.

Второй альтернативный способ решения обозначенной проблемы без существенного изменения процедуры, предусмотренной в ч. 8 ст. 318 УПК РФ, видится в дополнении указанной части ст. 318 оговоркой о том, что при вступлении в дело частного обвинения прокурор обладает правами, предусмотренными ст. 246 УПК РФ. Это позволит разрешить дискуссию о выполняемой прокурором функции при вступлении в дело частного обвинения в стадии судебного разбирательства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8520.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Российская газета. 2010. № 147; 2017. № 110.
3. Титов П.М. Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 123–132.

---

4. Анишина Ю.А. Определение беспомощного состояния потерпевшего при производстве по делам частного и частно-публичного обвинения // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 38–47.

5. Постановление Аткарского городского суда Саратовской области от 29 января 2024 г. № 1–113/20231–17/2024 по делу № 1–113/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DsTSLzA99Rm5/> (дата обращения: 25.01.2025).

6. Ярцева Р.В., Гордеева Н.А. Актуальные вопросы деятельности мировых судей в сфере уголовной юрисдикции // Мировой судья. 2008. № 11. С. 6–16.

7. Тритенко Е.А. Проблемы, связанные с участием прокурора в рассмотрении уголовных дел частного обвинения // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4-6 (9). С. 64–67.

Г.Б. Петрова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

Е.Э. Стародубцев,

студент 3-го курса Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РАМКАХ РЕАБИЛИТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ И НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации [1] определяет одним из ключевых назначений российского уголовного процесса защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод наравне собственно с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Часть 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [далее – УПК РФ], раскрывая приведенное нормативное положение, усиливает его, подчеркивая, что фундаментальное понятие назначения уголовного судопроизводства охватывает также и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

А.А. Брестер в своих исследованиях отмечал, что уголовно-процессуальная деятельность представляется самым серьезным и существенным, но вместе с тем законным ограничителем прав и свобод личности, «поэтому так велика цена ошибки при ее осуществлении» [2, с. 45]. Законодательное размещение данных уголовно-процессуальных норм во второй главе УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства, очевидно, представляется не просто эффективным технико-юридическим реше-

нием законодателя по изложению нормативного положения в одной из структурных единиц кодифицированного правового акта. Вопрос восстановительно-реабилитационных гарантий лиц, подвергнутых необоснованному и (или) незаконному уголовному преследованию вследствие естественно полагаемых неосторожных и умышленных ошибок аппарата уголовной юстиции, исходя из формально-определенной воли демократического федерального законодателя, носит принципиальный и незыблемый характер для российского правоприменителя. Поэтому полное доктринальное осмысление феномена реабилитации и совершенствование соответствующей регулятивной базы необходимо для формирования наиболее адекватного, соответствующего условиям социальной действительности, отвечающего критериям разумности и справедливости нормативного и правоприменительного подхода.

Устранение последствий морального вреда определяется ч. 1 ст. 133 УПК РФ как содержание права на реабилитацию наряду с правом требования возмещения имущественного вреда и восстановления трудовых, жилищных и иных прав. Данная морально-компенсационная гарантия реабилитируемых лиц имеет широкую нормативно-учредительную базу в системе российского законодательства.

В ст. 53 Конституции РФ [3] признается право каждого на возмещение со стороны государства вреда, причиненного незаконными действиями и бездействием органов публичной власти.

Российское гражданское законодательство содержит специальные правоохранные гарантии лиц, подвергнутых незаконному и необоснованному осуждению. Так, п. 1 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] [далее – ГК РФ] гласит, что вред, причиненный гражданину незаконной уголовной и уголовно-процессуальной репрессией, возмещается за счет казны соответствующего публично-правового образования в полном объеме вне зависимости от вины должностных лиц органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Применительно к компенсации морального вреда ст. 1100 ГК РФ также не указывает на необходимость наличия вины причинителя как одно из условий компенсации в случаях причинения вреда гражданину в результате незаконных осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Возмещение морального вреда в рамках института реабилитации имеет особые специфические как собственно материальные, так и процедурные особенности, про-

являющиеся в специальных основаниях признания права на реабилитацию, порядке принятия такого решения, составе лиц, за которыми могут быть признаны реабилитационные правомочия.

Анализ положений ст. 136 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что реабилитационное возмещение морального вреда имеет самостоятельные содержательные элементы, к которым ч. 1 данной статьи относит принесение официального извинения прокурора реабилитированному лицу за причиненный ему вред и собственно компенсационно-имущественное возмещение, право на которое, согласно ч. 2 ст. 136 УПК РФ, может быть реализовано реабилитированным в рамках гражданского (искового) судопроизводства.

Рассмотрение и разрешение по существу вопроса о компенсации морального вреда в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [далее – ГПК РФ], исходя из самого смысла гражданского процесса, подразумевает, в соответствии со ст. 56 ГПК РФ [5], обязанность сторон по доказыванию тех обстоятельств, на которые они ссылаются. Современная российская правовая система все же содержит в себе формально определенную презумпцию морального вреда, т.е., как отмечает А. А. Елагин

на, в случае правовой реабилитации гражданин имеет бесспорное право на денежную компенсацию со стороны государства без специального доказывания соответствующих негативных последствий [6]. Однако истец, заявивший требования о моральной компенсации в рамках уголовной реабилитации, должен в гражданско-процессуальном порядке обосновать причинно-следственную связь физических и нравственных страданий, морального вреда, незаконного и необоснованного уголовного преследования и, конечно же, обосновать заявленный объем денежной компенсации. Ранее Б.Т. Безлепкин говорил о данной конструкции как о «резком отходе от принципов построения институтов реабилитации, переводя решение одного из вопросов общего комплекса из уголовно-процессуальной плоскости на рельсы искового гражданского судопроизводства, возлагая на пострадавшего гражданина новые заботы и хлопоты, бремя доказывания и новые унижения» [7].

Практика реализации морально-компенсационного механизма чаще всего встречает на своем пути проблемы и неоднозначность в вопросе определения судом справедливого и разумного размера возмещения морального вреда. Пленум Верховного Суда РФ представил вниманию судов общей юрисдикции

разъяснение положений ч. 2 ст. 136 УПК РФ, указав, что при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать: степень и характер физических и нравственных страданий исходя из индивидуальных особенностей лица; продолжительность судопроизводства; длительность и условия содержания под стражей; вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало уголовное наказание; другие обстоятельства, имеющие значение в данном контексте, в том числе требования разумности и справедливости. Выявить достоверные проблемы реализации данных положений позволяет выборочный анализ практики судов общей юрисдикции.

Так, Ленинский районный суд г. Томска рассмотрел исковое заявление реабилитируемого гражданина о компенсации морального вреда в размере 1 000 000 рублей. Суд решением от 29 января 2024 г. № 2-152/2024(2-2610/2023) [8] постановил удовлетворить иски требования заявителя частично, взыскав в его пользу в счет возмещения 100 000 рублей. Суд нашел разумным, а главное – справедливым размер морального возмещения в 100 000 рублей за вред, причиненный в результате уголовного преследования, длившегося на протяжении трех лет и шести месяцев,

за совершение тяжкого преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, прекращенного судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ ввиду установленной непричастности лица к преступному деянию.

На наш взгляд, представленное решение суда не отвечает требованиям разумности и справедливости, поскольку присужденная в счет возмещения морального вреда сумма не способна компенсировать необоснованное нахождение лица в «жерновах» уголовного преследования в течение трех с половиной лет, сопровождаемое ограничением ряда конституционных прав человека и гражданина в силу применения мер процессуального принуждения. Тяжесть преступления, в совершении которого подозревался реабилитируемый, также не учтена судом адекватным образом. К сожалению, этот пример далеко не единственный в практике реализации рассматриваемых правовых конструкций.

Усть-Вымский районный суд Республики Коми рассмотрел обоснованность иски требований заявителя о взыскании компенсации морального вреда в размере 500 000 рублей, причиненного в результате необоснованного уголовного преследования, завершившегося за отсутствием в его действиях состава преступления, о чем свиде-

тельствует решение от 25 января 2024 г. № 2-122/2024(2-1559/2023) по делу № 2–122/2024 [9]. Из него следует, что заявитель приговором суда был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Апелляция оставила приговор без изменения. Назначенное наказание в виде 300 часов обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года шесть месяцев отбыто в полном объеме. Однако кассационная инстанция отменила соответствующие приговор и апелляционное постановление. В общей сложности уголовное преследование в отношении заявителя длилось порядка двух лет шести месяцев. Суд обязал взыскать в пользу заявителя в счет возмещения морального вреда 300 000 рублей. Таковую сумму правоприменитель, на наш взгляд, несправедливо находит разумной и достаточной в контексте возмещения вреда, причиненного необоснованным претерпеванием мер государственного уголовно-правового принуждения, постановленного необоснованным обвинительным приговором суда.

Такой же разумной и справедливой Новгородский районный суд решением от 25 января 2024 г. № 2–319/2024(2-6404/2023) [10] посчитал сумму в 100 000 рублей

в качестве компенсации морального вреда, причиненного необоснованным обвинением в совершении преступлений небольшой и средней тяжести (ч. 1 ст. 119, п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ соответственно). В общей сложности уголовное преследование продолжалось на протяжении 21 месяца, в течение этого времени в отношении реабилитируемого применялись такие меры пресечения, как заключение под стражу и подписка о невыезде.

Анализ рассмотренных и других многочисленных примеров судебной практики возмещения морального вреда в рамках уголовной реабилитации позволяет сделать вывод о том, что суды достаточно часто признают разумными и справедливыми размеры моральных возмещений, не способные должным образом компенсировать лицам вред, причиненный физическими и нравственными страданиями вследствие как незаконного, так и необоснованного уголовного преследования. Принимая во внимание такие национальные финансово-экономические показатели, как величина прожиточного минимума на душу населения (15 453 руб. в 2024 г.), минимальный размер оплаты труда (МРОТ) (19 242 руб. в месяц [11]), размер среднемесячной заработной платы по России (86 495 руб. за II квартал 2024 г. [12]), размеры моральных возме-

ний за многомесячное необоснованное и незаконное уголовное преследование, определяемые судами как разумные и справедливые, едва ли можно назвать адекватными, соответствующими современным общественно-экономическим условиям, отвечающими задачам института реабилитации и назначения российского уголовного процесса.

В обоснование своих решений суды общей юрисдикции приводят довод о том, что моральный вред по своей фактической и юридической природе не предполагает возможности его точного выражения в денежной форме и, соответственно, его полного возмещения. Стало быть, российский правоприменитель не имеет желания хоть сколько-нибудь реализовать данную цель. Суд, будучи единственным государственно-властным образованием, способным реализовать реабилитационно-компенсационные права каждого незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, использует при оценке морального вреда реабилитируемого оценочно-философские категории разумности и справедливости, которые, на наш взгляд, как раз и являются препятствием на пути реализации задач института реабилитации и назначения уголовного судопроизводства.

Считаем, что юридическая конструкция, базирующаяся на столь

широких пределах судейского усмотрения, часто оказывается неспособной должным образом реализовать концептуальную цель института реабилитации в российском уголовном процессе, в связи с чем ставится под вопрос состоятельность принципов уголовной юстиции в отношении защиты граждан от незаконного и необоснованного преследования, реабилитации в части восстановления нарушенных прав и возмещения морального вреда.

Представляется целесообразным установление относительно определенных денежно-компенсационных эквивалентов на нормативном уровне в системе действующего законодательства – фиксированного минимального размера морально-компенсационных выплат. Соответствующей единицей стоимостного измерения разумно предположить МРОТ – данная денежно-эквивалентная величина носит нормативный, социально ориентированный и универсальный характер, ее установление и изменение обеспечивается государственно-волевой силой федерального законодателя с учетом реальных условий социально-экономической и общественно-политической реальности. Соотношение негативных правовых и фактических явлений незаконного или необоснованного уголовного преследования и соот-

ветствующих им разумных, по на- рально-компенсационных выплат
шему мнению, минимальных мо- представлено в таблице.

Таблица

**Соотношение негативных правовых и фактических явлений
незаконного или необоснованного уголовного преследования
и минимальных морально-компенсационных выплат**

Необоснованное или незаконное возбуждение уголовного дела по обвинению в совершении	преступления небольшой тяжести	не менее 4 МРОТ
	преступления средней тяжести	не менее 6 МРОТ
	тяжкого преступления	не менее 8 МРОТ
	особо тяжкого преступления	не менее 10 МРОТ
Незаконное или необоснованное нахождение в статусе	подозреваемого	не менее 1/250 МРОТ за каждый день нахождения в статусе
	обвиняемого	не менее 1/200 МРОТ за каждый день нахождения в статусе
Незаконное или необоснованное применение к лицу мер процессуального принуждения:	задержание лица	не менее 1/2 МРОТ
	заключение под стражу	не менее 1/200 МРОТ за каждый день нахождения под стражей
	домашний арест	не менее 1/275 МРОТ за каждый день соответственно
	подписка о невыезде	не менее 1/300 МРОТ за каждый день соответственно
	иные меры процессуального принуждения	не менее 1/350 МРОТ за каждый день соответственно

Отбытие в полном объеме, частично незаконно или необоснованно назначенного уголовного наказания	сопряженного с изоляцией лица	арест, СДВЧ, ЛС	не менее 1/100 МРОТ за каждый день соответственно
		ограничение свободы	не менее 1/200 МРОТ за каждый день соответственно
	сопряженного с исправительно- трудовым воздействием	обязательные работы	не менее 1/275 МРОТ за каждый час соответственно
		исправительные работы	не менее 1/250 МРОТ за каждый день соответственно
		принудительные работы	не менее 1/150 МРОТ за каждый день соответственно
		ограничение по службе	не менее 1/250 МРОТ за каждый день соответственно
	иные виды УН	штраф, лишение звания, лишение права ЗОДх2	не менее 1 МРОТ
		смертная казнь	не менее 5 МРОТ
Незаконное или необоснованное обвинение лица судом в апелляционном порядке	вследствие незаконной отмены оправдательного приговора		не менее 2 МРОТ
	вследствие незаконного или необоснованного оставления обвинительного приговора без изменений		не менее 1 МРОТ
Незаконное или необоснованное обвинение лица судом в кассационном порядке	вследствие незаконной отмены оправдательного приговора		не менее 3 МРОТ
	вследствие незаконного или необоснованного оставления об- винительного приговора без изменений		не менее 2 МРОТ

Таким образом, нормативное закрепление в системе действующего уголовно-процессуального законодательства данных минимальных морально-компенсационных эквивалентов позволит лицам, подвергнутым незаконному или необоснованному уголовному преследованию, реализовывать свое право

на возмещение морального вреда в рамках реабилитации в гарантированном государством объеме, что имеет своим следствием полноценную реализацию принципов и задач российского уголовного судопроизводства, укрепление правопорядка, законности и национальной безопасности российского государства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2024. № 44, ст. 6490.
2. *Брестер А.А.* Юридические препятствия в реализации права на реабилитацию в российском уголовном процессе // Государство и право. 2015. № 9. С. 45–52.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 26 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2024. № 44, ст. 6496.
6. *Елагина А.А.* Практика реабилитации // Мировой судья. 2013. № 7. С. 2–6.
7. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ВИТРЭМ, 2002. 173 с.
8. Решение Ленинского районного суда г. Томска от 29 января 2024 г. № 2–152/20242–152/2024(2-2610/2023) по делу № 2–152/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vAFD8TRDKiJh/> (дата обращения: 12.11.2024).
9. Решение Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 25 января 2024 г. № 2–122/2024(2-1559/2023) по делу № 2–122/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/211QJkPicC6Z/> (дата обращения: 12.11.2024).
10. Решение Новгородского районного суда от 25 января 2024 г. № 2–319/2024(2-6404/2023) по делу № 2–319/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m3WjS2pFLOU1/> (дата обращения: 12.11.2024).
11. Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в ред. от 29 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2000. № 26, ст. 2729; 2024. № 45, ст. 6696.
12. Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения: 12.11.2024).

Н.В. Спесивов,

кандидат юридических наук, доцент,
директор Института прокуратуры,
главный редактор журнала
«Человек и право – XXI век»

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОБЪЕКТИВНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Проводимое законодателем реформирование процессуального положения прокурора в рамках уголовного судопроизводства не устранило, а лишь породило множество правоприменительных вопросов и законодательных коллизий, касающихся осуществления прокурорами своих полномочий в досудебном производстве по уголовному делу, что дает основания оценивать такие действия как не вполне логичные.

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» [1] повлекло за собой разрыв функциональной взаимосвязи прокурорского надзора и осуществления уголовного преследования в рамках прокурорских полномочий. Путем внесения таких изменений законодатель преследовал цель освободить прокурора от выполнения им функции осуществления предварительного расследования по уголовному делу, предоставив это право следственным органам, в частности специально созданному Следственному комитету РФ. Однако восстановление части прежних полномочий прокурора законодателем путем издания Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ [2] в полной мере проблемы дисбаланса полномочий прокурора не решило.

Как показывает практика, процессуальную самостоятельность по большей части получили лишь следователи Следственного комитета РФ, в системе МВД России положение дел поменялось не существенно. Однако вернее было бы сказать, что относитель-

ной самостоятельностью стали обладать их непосредственные начальники – руководители следственного органа, которые после вступления в силу упомянутого выше Федерального закона получили возможность осуществлять более обстоятельным образом ведомственный контроль в процессе производства предварительного расследования.

Прокурор является важнейшим субъектом, отнесенным законом к стороне обвинения, главным носителем обвинительной власти. Выступая в таком качестве, он обязан осуществлять уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения, в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лиц, совершивших его (ч. 1, 2 ст. 21 УПК РФ).

В контексте проведенной реформы прокурор в досудебном производстве обоснованно лишился некоторых полномочий по личному и непосредственному осуществлению уголовного преследования (ныне он не имеет полномочий по самостоятельному проведению следственных действий, направленных на собирание доказательств, изобличающих подозреваемого и обвиняемого, по предъявлению обвинения, по инициированию применения мер процессуального при-

уждения), вместе с тем он лишился и других важнейших механизмов реализации исторически присущих ему полномочий влиять на ход уголовного преследования, а значит надзирать за качеством проводимого предварительного расследования.

Не совсем понятной остается и позиция законодателя, касающаяся разных подходов к процессуальным полномочиям прокурора по отношению к органам следствия и дознания, отсутствует четкое определение процессуального положения прокурора в рамках досудебного производства. Все это порождает еще одну, не решенную на протяжении более 15 лет с момента проведения упомянутой реформы проблему содержания, соотношения и реализации функции уголовного преследования и функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Так, некоторое недоумение вызывает формулировка ч. 6 ст. 148 УПК РФ, согласно которой прокурор, признав незаконным или необоснованным отказ в возбуждении уголовного дела дознавателем, вправе своим постановлением его отменить и направить *со своими указаниями* начальнику органа дознания, *устанавливая срок их исполнения*. Что касается аналогичного решения следователя, то, признав его отказ в возбуждении уголовного

дела незаконным или необоснованным, прокурор не только ограничен во времени принятия такого решения (в срок не позднее пяти суток, что считаем вполне разумным), в отличие от дознания, но и отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела своим *мотивированным* постановлением *с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке*. Чем же по замыслу законодателя отличается мотивированное постановление от «обычного» постановления при отмене решения дознавателя? В чем существенная разница между указаниями и изложением в постановлении конкретных обстоятельств, помешавших следователю принять законное и обоснованное решение?

Думается, такое деление носит несколько искусственный характер и было произведено только для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность и независимость следователя, но не оправдывает своего правоприменительного значения.

Законодательные реалии и правоприменительная практика свидетельствуют о том, что, говоря о дознании, проводимом в общем порядке, вряд ли следует иметь в виду некую самостоятельную форму предварительного расследования. Речь, скорее, должна идти о форме производства расследования по делам небольшой и не-

которым категориям дел средней тяжести с некоторыми особенностями. Здесь следует согласиться с Н.С. Мановой, которая отмечает, что дознание в его существующей регламентации вполне сопоставимо с предварительным следствием, и его существование как отдельной формы расследования по-прежнему связано лишь с кадровыми и организационными проблемами в следственных аппаратах МВД страны [3].

Много споров и критики вызвало и вызывает до сих пор лишение прокурора возможности самостоятельно возбуждать уголовные дела. Являясь полноправным субъектом уголовного преследования, осуществляя надзорные полномочия в ходе предварительного расследования и принимая важнейшие решения по его завершению, прокурор реализует свое процессуальное полномочие по направлению материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, что нашло отражение в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ лишь спустя три года с момента проведения реформы органов прокуратуры и предварительного следствия [2].

За неимением большего, согласимся с точкой зрения В.Н. Григорьева о том, что данная законодательная новелла «...относительно безупречна с точки зрения законодательной техники и содержит

в себе позитивный потенциал для совершенствования организации уголовного процесса» [4]. Но прав и А.В. Гриненко, который утверждает, что «...возникают серьезные нарекания касательно наименования, содержательной части и применения на практике данного основания для возбуждения уголовного дела» [5].

По справедливому замечанию В.А. Нагорного, «незавершенность по прошествии 17 лет реформы правового статуса мотивированного постановления прокурора, выраженная в декларируемом законодателем “особом статусе” постановления прокурора, которое не влечет сокращенные сроки принятия по нему процессуального решения, не обязывает органы предварительного расследования незамедлительно возбудить уголовное дело и приступить к его расследованию, объясняет постоянную дискуссию о необходимости возврата прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела с предложением разнообразных правовых моделей такого процессуального механизма» [6].

Умалением полномочий прокурора, не позволяющим ему влиять на качество проводимого предварительного следствия, является существующий механизм реагирования прокурора на факты нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства в фор-

ме требований и представлений, а именно их обязательности для следователей. В контексте существующей модели правоотношений прокурора с должностными лицами следственного органа следует согласиться с И.С. Дикаревым о том, что «в возможности столкновения позиций прокурора и следственного органа по ключевым вопросам, возникающим на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, проявляется система сдержек и противовесов, ставшая в настоящее время основой досудебного производства по уголовным делам» [7]. Однако существующее положение дел в правоприменительной практике, количество ежегодно вносимых требований и представлений прокурора в адрес следователей и их эффективности в части реагирования на них руководителей следственного органа, принимаемых решений о возвращении уголовного дела в порядке ст. 221 УПК РФ и 237 УПК РФ, а в совокупности качества предварительного следствия, не является ли сигналом к тому, что пришло время пересмотреть эту существующую модель?

В итоге вместо эффективных полномочий прокурора, имевшихся у него до 2007 г., мы имеем некий эрзац, суть которого заключается в том, что прокурор не непосредственно, а опосредованно должен

действовать, «указывая» следователю на необходимость устранения нарушений.

На наш взгляд, по прошествии более чем полутора десятков лет с момента начала указанной реформы и заданного вектора на повышение процессуальной самостоятельности следователей при производстве по уголовным делам качество предварительного расследования существенным образом не повысилось. Прокурор как процессуальный субъект теперь лишен возможности с максимальной эффективностью осуществлять надзор

на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а следовательно, эффект влияния прокурора на устранение выявленных правонарушений существенно снизился. Баланс полномочий между надзором и следствием был существенно ослаблен законодателем. При этом концепция сильного следствия, как представляется, может быть реализована на практике лишь при наличии эффективного прокурорского надзора, что явно свидетельствует о необходимости усиления роли прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2007. № 24, ст. 2830.
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // Российская газета. 2010. 30 дек.; 2018. 10 янв.
3. Манова Н. С. Дознание в системе российского досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 7–12.
4. Григорьев В. Н. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8. С. 45–47.
5. Гриненко А. В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 22–24.
6. Нагорный В. А. Постановление прокурора об уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2025. 31 с.
7. Дикарев И. С. Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства: процессуальное значение их необязательности для следственного органа // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 117–120.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.В. Галицкая,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Северо-Западного института
управления – филиала РАНХиГС

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

87

Реализация мер административного стимулирования юридических лиц, занятых в агропромышленном комплексе, имеет большое значение для повышения эффективности механизма обеспечения продовольственной безопасности, в связи с чем необходим поиск вариантов усиления государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Прежде всего целесообразно обратить внимание на наднациональное регулирование в рамках ЕАЭС, которое предлагает варианты стимулирования малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве в порядке рекомендаций [1], но для российского законодательства возможное введение подобных мер может укрепить побудительный потенциал государственной аграрной политики.

Во-первых, большое значение придается разработке и внедрению инновационных технологий, для чего рекомендуется расширять меры господдержки при страховании рисков их применения. Данное предложение можно рассматривать как возможное направление

совершенствования отечественного законодательного регулирования, требующего, однако, не простого копирования указанной меры из документации ЕАЭС, а проработки уполномоченным органом исполнительной власти (Минсельхозом России) подзаконного регулирования, определяющего спектр инновационных технологий и подходящих для их внедрения отраслей, использование которых способно повысить эффективность сельского хозяйства в России. Кроме того, предлагается разработать отсутствующий сегодня в отечественном законодательстве о развитии сельского хозяйства механизм ежегодной (на конкурсной основе) грантовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, применяющих цифровые технологии при выпуске продовольственной продукции, что способно повысить эффективность хозяйственной деятельности.

Во-вторых, рекомендуется введение административно-правового механизма поддержки сертификации процессов производства для обеспечения выпуска субъектами малого и среднего бизнеса продукции с высокой добавленной стоимостью, при котором мелкотоварное производство рассматривается как конкурентное преимущество, с частичным либо полным возмещением расходов на проведение указанной сертификации.

В-третьих, предлагается модернизация информационно-консультационного обеспечения деятельности субъектов малого и среднего бизнеса, включая внедрение интерактивной системы подбора мер господдержки и учреждение консультационных центров, задействующих потенциал искусственного интеллекта.

Представленные направления совершенствования мер стимулирования организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность, полезны для развития отечественного административно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, независимо от того, идет ли речь о малом и среднем предпринимательстве или о крупных хозяйствах (за исключением поддержки сертификации продукции с высокой добавленной стоимостью, рассчитанной на мелкотоварное производство). Поэтому перечисленные рекомендации могли бы найти конкретное воплощение в положениях законодательства о развитии сельского хозяйства применительно к стимулированию любых субъектов агробизнеса, а в части поддержки названной сертификации – субъектов малого и среднего предпринимательства.

Перспективным направлением развития мер административно-правового стимулирования организаций, обеспечивающих продовольствен-

ную безопасность, является формирование особых публично-правовых режимов осуществления экономической деятельности. Учреждение таких режимов целесообразно тогда, когда существует необходимость в обеспечении экономического развития какой-либо территории на основе использования ее ресурсных, демографических, географических и инфраструктурных возможностей и особенностей [2, с. 89]. Кроме того, как указано в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации [3], в поддержке нуждаются регионы, находящиеся в зонах недостаточного производства пищевой продукции, что одновременно будет способствовать преодолению различий в социально-экономическом развитии разных субъектов РФ. Однако законодатель в отношении агропромышленного комплекса пока не разработал механизмы организации территорий с соответствующим режимом. В настоящее время наиболее востребованными являются публично-правовые режимы особых экономических зон [4] и территорий опережающего развития [5]. Однако для первых не предусмотрены такие разновидности, которые рассчитаны на развитие сельского хозяйства, а основное их предназначение состоит в стимулировании расширения и открытия обрабатывающих производств (применительно к промышленно-производственным особым

экономическим зонам). Территории опережающего развития имеют схожее предназначение и рассматриваются как несколько облегченный вариант названного режима. Развитие сельскохозяйственного производства в соответствующем законодательстве как одна из целей их формирования специально не выделяется.

На этом фоне актуализируется вопрос о территориальных формах, в которых подобные публично-правовые режимы могут учреждаться для развития сельского хозяйства. В экономической литературе активно обсуждается проблематика формирования агропромышленных кластеров, преимущества которых состоят в синергетическом эффекте от взаимовыгодного сотрудничества всех участников кластерного режима, повышении конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей, интенсификации процессов внедрения инноваций и модернизации сельского хозяйства, стимулировании развития субъектов малого и среднего агробизнеса, повышении кадрового потенциала организаций, росте устойчивости и результативности производственных процессов, снижении издержек производства [6].

Однако фактически в качестве публично-правовых режимов такие кластеры не функционируют. О наличии подобных кластеров утверждается в тех случаях, когда

на территории региона действует комплекс сопряженных друг с другом на технологическом уровне организаций, осуществляющих производство, переработку и доведение до потребителей конечной продовольственной продукции. Одновременно организуется их взаимодействие с научными организациями, образовательными организациями высшего образования аграрного профиля и органами публичного управления в пределах данного региона, которые обеспечивают реализацию организационно-стимулирующих возможностей, заложенных в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 26 декабря 2024 г.) [7]. Вместе с тем о наличии публично-правового режима в таких условиях говорить не приходится, поскольку подобный «кластер» не имеет признаков территориального обособления, собственных резидентов, органов публичного управления, при участии которых задействуются стимулирующие механизмы.

С учетом того, что агропромышленный комплекс является одним из ведущих в структуре российской экономики, целесообразна проработка перспектив режимного регулирования сельскохозяйственного производства на отдельных территориях, что позволит реализовать дополнительные возможности сти-

мулирования деятельности организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность, в условиях необходимости интенсификации экономического роста в части выпуска продукции аграрного сектора. Соответственно, в структуре указанного Закона либо в возможном законопроекте о продовольственной безопасности уместно выделение агропромышленных кластеров как территорий с особым публично-правовым режимом осуществления сельскохозяйственной деятельности, в рамках которого могут быть реализованы меры административного стимулирования в виде инфраструктурных, контрольно-надзорных и иных преференций.

Таким образом, можно выделить основные направления возможного совершенствования нормативной регламентации мер стимулирования организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность:

- 1) модернизация информационно-консультационного обеспечения деятельности сельхозтоваропроизводителей, включая внедрение интерактивной системы подбора мер государственной поддержки и учреждение находящихся в ведении Минсельхоза России консультационных центров, задействующих потенциал искусственного интеллекта;

- 2) проработка Минсельхозом России подзаконного регулирования, определяющего спектр иннова-

ционных технологий и подходящих для их внедрения отраслей, использование которых способно существенно повысить эффективность сельского хозяйства в России, в целях реализации мер государственной поддержки при страховании рисков их применения;

3) внедрение механизма ежегодной (на конкурсной основе) грантовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, применяющих цифровые технологии при выпуске продовольственной продукции;

4) введение административно-правового механизма поддержки сертификации процессов произ-

водства для обеспечения выпуска субъектами малого и среднего бизнеса аграрной продукции с высокой добавленной стоимостью с частичным либо полным возмещением расходов на проведение указанной сертификации;

5) учреждение агропромышленных кластеров как территорий с особым публично-правовым режимом осуществления сельскохозяйственной деятельности, в рамках которого могут быть реализованы меры административного стимулирования в виде инфраструктурных, контрольно-надзорных и иных преференций.

Библиографический список

1. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 июля 2024 г. № 16 «О мерах государственной поддержки микро-, малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве государств – членов Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 02.08.2024).

2. Лакаев О.А. Основные тенденции правовой политики в сфере организации функционирования территорий опережающего социально-экономического развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 88–94.

3. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности» // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 345.

4. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3127; 2024. № 48, ст. 7199.

5. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 2015. № 1, ч. 1, ст. 26; 2024. № 48, ст. 7199.

6. Миндлин Ю.Б. Особенности реализации кластерного механизма в агропромышленном комплексе России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 4. С. 27.

7. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1, ст. 27; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8509.

Е.А. Киримова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРНЫХ И ИНЫХ ФУНКЦИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ ПРОКУРАТУРЕ, В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

28 мая 1922 г. в России был создан первый советский надзорный орган – государственная прокуратура, целью которого являлось «осуществление надзора за соблюдением законов». Кроме того, прокуратура учреждалась для «правильной постановки борьбы с преступностью». В Положении о прокурорском надзоре закреплялись такие функции прокуратуры, как осуществление надзора за законностью действий всех субъектов права; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания, ГПУ, за содержанием заключенных под стражей; поддержание обвинения в суде [1].

Российская прокуратура, имеющая двухсотлетнюю историю, была упразднена наряду с учреждениями, объединявшими судебных следователей, присяжных и адвокатов. Конец их деятельности положил Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [2]. Означало ли это, что в стране упразднялась законность и надзор за ней? Разумеется, нет. С первых дней руководства страной партия большевиков требовала неуклонного сохранения правопорядка и соблюдения революционной законности. Кто же осуществлял функции прокуратуры в первые годы советской власти?

Первый Декрет «О суде» «до преобразования всего порядка судопроизводства» возложил на суд обязанность осуществления предварительного следствия по уголовным делам. Теперь местные судьи получили право принимать постановления о задержании и предании правонарушителей суду. Обвинители и защитники, в качестве которых в соответствии с Декретом о суде могли выступать «неопороченные» лица любого пола, имеющие гражданские

права, допускались к участию как на стадии предварительного следствия, так и в судебных заседаниях.

Одновременно были созданы рабочие и крестьянские революционные трибуналы, а также особые следственные комиссии, избираемые губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для борьбы с контрреволюцией. 19 декабря 1917 г. была принята особая Инструкция Народного комиссариата юстиции, трибуналам вменялась в обязанность проверка деяний, нарушающих нормативно-правовые акты и правоприменительные акты рабоче-крестьянского правительства, «если в них предусмотрено предание за нарушение их суду революционного трибунала» [3]. Как видим, здесь осуществлялась не функция надзора за законностью, а правоприменительная, карательная функция.

Обвинители и защитники могли участвовать в заседаниях трибунала, причем в качестве таковых имели возможность выступать как «пользующиеся политическими правами граждане обоего пола» [3], так и правозаступники. Последний термин объединял общественных обвинителей и защитников, для признания их правового статуса они должны были входить в коллегия при трибунале. Народный комиссариат юстиции был наделен компе-

тенцией по надзору за деятельностью трибуналов.

Декрет о суде № 2 установил, что при Советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов должны быть созданы коллегии лиц, «посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты» [4]. Таким образом, функция поддержания обвинения в суде была передана государством общественным обвинителям. В соответствии с постановлением Народного комиссариата юстиции от 15 декабря 1917 г. [5] при тюрьмах были созданы комиссии, осуществлявшие в рамках предоставленных им полномочий надзор за законностью. В то же время следственные органы, создаваемые при разных советских учреждениях, были отданы под надзор этих учреждений. Одновременно они находились под надзором Народного комиссариата юстиции.

Если Народный комиссариат юстиции не отказывался от исполнения надзорных функций за деятельностью судов и трибуналов, то осуществлять функцию обвинения он не захотел. В протоколе № 13 заседания коллегии Народного комиссариата юстиции от 16 апреля 1918 г. закреплено: «Центрального Комиссариата обвинения не учреждать. Предложить революционным трибуналам организовать камеры

обвинения при трибуналах, подчинив их президиуму революционных трибуналов» [6, с. 50]. Декрет СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» объединил трибуналы и учредил при каждом из них как следственную комиссию, так и коллегию обвинителей, чьи полномочия стали прообразом полномочий советских прокуроров [7].

Несколько иначе, чем полномочия трибуналов, выглядели обязанности местных народных судей. Судья обязан был лично осуществлять следствие по уголовным делам. Если же он считал, что дела сложные, то имел право поручить провести предварительное следствие следственной комиссии. Судья имел право начать производство в суде, «когда Суду, в лице хотя бы одного из своих членов, пришлось наблюдать нарушение законов», он «может своим единоличным постановлением подвергать обвиняемого личному задержанию» [8]. Налицо смешение функций дознания, обвинения и осуществления правосудия в рамках судопроизводства. Сходные полномочия сохраняются и за народными судьями [9], а также за полковыми судьями [10].

С 1919 г. отделы юстиции при губернских исполнительных комитетах Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов стали выполнять функцию надзора за законностью. Следует отметить,

что осуществлять надзор они были обязаны в отношении не всех субъектов права, а только тех, что относились к ведению отделов юстиции, например в отношении организаций, регистрирующих договоры. Кроме того, отделы юстиции должны были выполнять обязанности по общему наблюдению не только за производством дознания органами милиции, но и за правильным несением конвойной службы [11].

Жизнь показала необходимость надзора за законностью. 21 октября 1920 г. ВЦИК принял Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в котором передал народному суду надзорные функции. Они касались мест заключения, где судьи должны были проверять как законность ареста, так и условия содержания арестованных. Судьи осуществляли надзор за милицейским дознанием. Судья имел право давать дознавателям руководящие указания, принимать решения о прекращении дознания или предании суду «по маловажным делам, поступающим от милиции и органов надзора» [12], самостоятельно проводить предварительное следствие и даже лично задержать «обвиняемого». Согласно данному Положению, народные следователи состояли в ведении Совета народных судей, обвинители – при отделах юстиции. Право выступать в суде в качестве

обвинителя имели советские учреждения и профсоюзные организации, возбуждившие дело [12].

Наличие большого числа учреждений, осуществляющих надзор за законностью во всех сферах жизни, неопределенность их полномочий, правовые коллизии поставили вопрос о создании единого органа, который мог бы способствовать построению нового государства,

утверждению правопорядка, борьбе с преступностью. В качестве такового было логично признать прокуратуру. И хотя прокуратура была создана при Народном комиссариате юстиции, тем не менее она являлась самостоятельным органом, обладавшим особой компетенцией. Страна встала на путь определения функциональной принадлежности государственных органов.

Библиографический список

1. Постановление ВЦИК от 28 мая 1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // СУ РСФСР. 1922. № 36, ст. 424.
2. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.
3. Инструкция Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. 1917. № 12, ст. 170.
4. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде» (Декрет о суде № 2) // СУ РСФСР. 1918. № 26, ст. 347.
5. Постановление Народного комиссариата юстиции от 15 декабря 1917 г. «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста» // СУ РСФСР. 1917. № 9, ст. 146.
6. Протокол № 13 заседания коллегии Народного комиссариата юстиции // История советской прокуратуры в важнейших документах. М.: Юрид. изд-во, 1947. 534 с.
7. Декрет СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» // СУ РСФСР. 1918. № 35, ст. 471.
8. Постановление Народного комиссариата юстиции от 23 июня 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 53, ст. 597.
9. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85, ст. 889.
10. Положение о полковых судах, утвержденное Декретом СНК РСФСР от 10 июня 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 31–32, ст. 326.
11. Постановление Народного комиссариата юстиции «Об отделах юстиции губернских исполнительных комитетов (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 2, ст. 29.
12. Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83, ст. 407.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Александрова,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков

Саратовской государственной юридической академии

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ПО КРИТЕРИЯМ АДЕКВАТНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Анализ и оценка качества перевода занимают центральное место в переводоведении, т.к. определяют успешность передачи информации и социокультурных реалий из одного языка в другой. Перевод – не просто механическое преобразование слов, это сложный процесс, требующий глубокого понимания исходного текста, контекста и целевой аудитории.

Переводоведение как наука стремится выявить критерии, по которым можно оценивать качество перевода. Эти критерии могут включать точность, адекватность, стилистическое соответствие, функциональность, соблюдение норм переводящего языка и норм переводческой речи, выполнение прагматической задачи, которую ставят перед переводчиком участники общения в зависимости от конкретной ситуации общения. Точный перевод сохраняет смысл оригинала, тогда как адекватный перевод ориентирован на получателя сообщения, созданного переводчиком.

Для характеристики качественного перевода лингвисты используют термины «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод». Эквивалентность чаще всего воспринимается как основное условие существования перевода и его ключевой признак. «Эквивалентность перевода (от лат. *aequus* равный, равноценный и *valentis* имеющий силу, основательный) – общность содержа-

ния (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода» [1, с. 14]. В.С. Виноградов рассматривает эквивалентность как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [2, с. 18]. Эквивалентность напрямую зависит от материальной формы перевода – устной или письменной. Устные переводы всегда характеризуются относительной эквивалентностью. В письменных переводах уровень относительной эквивалентности значительно выше, однако он варьируется в зависимости от жанра текста.

Адекватный перевод подразумевает не только лексическую точность, но и сохранение правового смысла, функциональности и стилистических особенностей оригинального текста. «Адекватным переводом называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно признанной конвенциональной норме перевода» [3, с. 200]. Таким обра-

зом, эквивалентный перевод фокусируется на точной передаче смысла и формы исходного текста, в то время как адекватный перевод акцентирует внимание на сохранении функциональности и восприятии текста в целевой культуре.

«С развитием юридической науки лингвисты придают все большее значение лингвистическим исследованиям в правовой сфере» [4, с. 99]. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с юридическим переводом, который требует точности и глубокого понимания терминологии. Лингвисты активно изучают взаимодействие языка и права, чтобы улучшить качество перевода и интерпретации юридических текстов. Текст может быть тесно связан с культурными особенностями, менталитетом народа и установленной правовой системой, что иногда приводит к расхождению смысла между оригиналом и переводом, даже при дословной передаче. Поэтому переводчику важно постоянно расширять свои знания, запоминая возможные лексические эквиваленты слов и устойчивые выражения.

Существует еще одна сложность юридических переводов, как и других специфических переводов. Она заключается в важности владеть глубокими познаниями в конкретной области и быть осведомленным о деталях, чтобы «выстроить предложения в логически связанный

текст без противоречий и недопонимания» [5, с. 78]. Юридический язык характеризуется высокой степенью формальности, наличием специализированной терминологии и использованием устойчивых выражений. Например, такие термины, как «истец», «ответчик», «юрисдикция», имеют строго определенные значения, которые не допускают двусмысленности. Ошибочный перевод даже одного термина может повлечь серьезные юридические последствия, включая неправомерное толкование документа. Переводчик должен не только знать точное значение терминов, но и понимать их роль в правовом контексте.

В данной сфере необходимо стремиться к максимальной точности и аккуратности формулировок. Передать приблизительное значение фразы невозможно, особенно при переводе государственных или международных актов, где перевод приобретает правовой статус оригинала. Точность передачи содержания должна охватывать не только семантику, т.е. передачу терминов и всей информации текста, но и синтаксическую, а также структурную организацию. В таких случаях свободный или неточный перевод недопустим. Например:

ARTICLE II – DEFINITIONS AND CRITERIA

For the purposes of this Convention:

1. «*Chemical Weapons*» means the following, together or separately:

(a) Toxic chemicals and their precursors, except where intended for purposes not prohibited under this Convention, as long as the types and quantities are consistent with such purposes;

(b) Munitions and devices, specifically designed to cause death or other harm through the toxic properties of those toxic chemicals specified in subparagraph (a), which would be released as a result of the employment of such munitions and devices;

(c) Any equipment specifically designed for use directly in connection with the employment of munitions and devices specified in subparagraph (b) [6].

СТАТЬЯ II – ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КРИТЕРИИ

Для целей настоящей Конвенции:

1. «Химическое оружие» означает в совокупности или в отдельности следующее:

а) токсичные химикаты и их прекурсоры, за исключением тех случаев, когда они предназначены для целей, не запрещаемых настоящей Конвенцией, при условии, что их виды и количества соответствуют таким целям;

б) боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет ток-

сических свойств указанных в подпункте (а) токсичных химикатов, высвобождаемых в результате применения таких боеприпасов и устройств;

с) любое оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением боеприпасов и устройств, указанных в подпункте (б).

Очевидно, что оригинал и перевод обладают значительной структурной схожестью. Общее количество предложений совпадает, а соответствующие предложения относятся к одному и тому же типу. Порядок следования и расположение компонентов высказывания в обоих текстах почти полностью идентичны. В большинстве случаев каждому члену предложения в оригинале соответствует аналогичный член предложения в переводе, сохраняющий такое же расположение относительно остальных членов.

Часто юридические переводы выполняют специалисты с образованием в области юриспруденции. «Тексты исходного и целевого языков рассматриваются в рамках различных правовых систем, поэтому в них должны использоваться формулировки, характерные для каждой из этих систем» [7, с. 46]. Однако важно, чтобы эти трактовки были понятны обеим сторонам и имели одинаковый смысл. Поэто-

му переводчику необходимо разбираться не только в праве своей страны, но и в правовой системе страны, являющейся носителем исходного языка.

Большинству носителей русского языка незнакомо понятие *primaries*, обозначающее предварительные выборы в США. Эти выборы проводятся для определения кандидатов в президенты от двух основных политических партий – Демократической и Республиканской. Понимание данного термина требует знания специфики политической системы США, которая отличается от российской: § 24.2-515.1. *Schedule for primaries in the year 2001 and each tenth year thereafter* [8] – § 24.2-515.1. Расписание праймериз в 2001 году и каждый десятый год после этого.

Понятие *venire*, обозначающее категорию лиц, исполняющих функции присяжных, тоже малоизвестно определенному количеству русскоязычных читателей. Данный термин используется в юридической системе некоторых стран, где присяжные играют ключевую роль в судебных процессах. Знание этого термина требует понимания особенностей судебной системы и практики формирования жюри присяжных: *A grand jury venire, or petit jury venire shall not be set aside for any reason unless fraud has been practiced, some great wrong committed* [8] – Состав

членов большого и малого жюри присяжных не может быть отменен ни по какой причине, за исключением случаев, когда имело место мошенничество или совершено какое-либо серьезное правонарушение.

Одной из главных трудностей является перевод реалий, уникальных для конкретной правовой системы. Например, англоязычные термины *common law* и *equity* не имеют прямых аналогов в системах континентального права. В таких случаях переводчику необходимо использовать описательный перевод или заимствованные термины с пояснениями.

Перевод словосочетаний может быть сложным из-за различий в значении между британским и американским английским. Некоторые фразы, имея одинаковое написание, могут иметь различные значения в зависимости от региона. Переводчику важно учитывать эти различия, чтобы правильно передать смысл в целевом языке. В обоих вариантах английского языка, британском и американском, существует словосочетание *Attorney General*. Однако при его переводе необходимо учитывать, какой именно вариант используется. В США Генеральный прокурор и Министр юстиции занимают одну и ту же должность, в то время как в Великобритании эти функции разделены между двумя отдельными чиновниками. Аналогичная си-

туация наблюдается и с переводом словосочетания *Solicitor General*, которое в зависимости от контекста может означать заместителя Генерального прокурора или заместителя Министра юстиции.

Сложность представляет также разница в грамматике и структуре языков: длинные, многосоставные предложения юридических текстов требуют особого внимания для обеспечения их читабельности и сохранения логической структуры.

Перевод юридических текстов является одним из самых сложных видов перевода. Для того чтобы выполнить юридический перевод точно и правильно, необходимо обладать специализированными знаниями в области права и понимать особенности различных типов правовых отношений. Уровень точности и эквивалентности перевода зависит от типа текста, его содержания, коммуникативной задачи, которая решается с использованием различных языковых средств. Чтобы достичь эквивалентности и адекватности перевода, переводчик должен владеть юридической терминологией, понимать контекст использования английских юридических выражений, учитывать различия между культурами отправителя и получателя текста, а также значимость государственных и правовых явлений, требующих глубоких знаний в юриспруденции.

Библиографический список

1. *Комиссаров В.Н.* Лингвистическое переводоведение в России: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 184 с.
2. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы. М.: Изд-во ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. 224 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак-тов ин. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. *Богачева Е.А.* Основные принципы перекрестного допроса в англоязычном судебном субдискурсе // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. Вып. 4. С. 99–105.
5. *Гамзатов М.Г.* Техника и специфика юридического перевода. СПб.: Филол. фак-т. СПбГУ, 2004. 181 с.
6. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 20.12.2024).
7. *Федотова И.Г.* Юридические понятия и категории в английском языке. М.: Статут, 2016. 360 с.
8. US Federal Case Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/> (дата обращения: 20.12.2024).

А.Л. Игнаткина,
кандидат филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

А.С. Беляев,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

ИМЕНА И ЛЮДИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: АНТРОПОНИМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЧАРЛЬЗА ПИРСА

Профессор гуманитарных исследований философского факультета Университета штата Пенсильвания Винсент Колапьетро провел фундаментальное исследование субъективной стороны человека с точки зрения семиотики Пирса [1]. Теория антропонимов американского философа и основоположника семиотики Чарльза Пирса представляет собой чрезвычайно интересный взгляд на связь между именем человека, тем, как его воспринимают окружающие, и тем, как он сам идентифицирует себя. Поэтому представляется целесообразным соотнести теорию Пирса с когнитивно-психологической теорией антропонимов. Считаем, что введенные Пирсом понятия «легисигнум», «синсигнум», «квалисигнум», «знак-индекс» и другие в контексте антропонимов проливают свет на то, как формируются общепринятые составляющие понятия «человек». Ставится цель описать семиотическую теорию антропонимов Пирса и показать, как ее можно использовать в практических целях, например для трактовки заявлений в судах о временном помешательстве.

Когнитивная психология рассматривает антропонимы с двух точек зрения. Некоторые западные когнитивисты собрали базу эмпирических данных и сделали ряд выводов, согласно которым имя человека не играет почти никакой роли в процессе создания, развития и сохранения человеческой идентичности. Подобная

точка зрения резко контрастирует с противоположной: антропонимы оказывают серьезное влияние как на самоидентификацию их носителей, так и на восприятие того или иного человека другими людьми [2, p. 139].

Многие жалуются на то, что не могут запомнить имена новых знакомых. Следовательно, имена других людей не очень важны для них. В 1987 г. было проведено исследование. Испытуемых попросили соотнести 16 незнакомых лиц с профессиями и фамилиями. Каждое фото сопровождалось следующей информацией: «Это мистер Портер, повар», «Это миссис Даймонд, она работает в полиции» и т.д. Затем эти же фото показали уже без подписей и попросили участников эксперимента вспомнить род занятий и фамилии изображенных на них людей. Несмотря на то, что в предварительных инструкциях подчеркивалась одинаковая значимость профессий и фамилий, большинство испытуемых вспоминали только род занятий. Очень немногие вспомнили фамилии, но забыли профессии [3, p. 145–147]. Интересно, что половина предложенных для запоминания фамилий и профессий были «двусмысленными», т.е. соответствующие английские слова выступали и как названия профессий, и как фамилии. Однако именно в качестве обозначений

рода занятий эти слова вспоминались чаще.

Исследователи, проводившие эксперимент, предложили следующее объяснение. Люди запоминают профессии лучше, чем фамилии, потому что в англоязычном сознании, например, профессия *gardener* вызывает целый ряд ассоциаций, образов и т.п. Фамилия *Gardener* не имеет подобных когнитивных связей, поскольку никто не имеет понятия, что может объединять носителей этой фамилии.

Тем не менее существует множество свидетельств в пользу семантической наполненности антропонимов. В частности, имя может говорить нам о половой принадлежности своего носителя, хотя есть исключения (*Leslie, Kim, Саша*). Нередко по имени можно определить национальность, родной язык, но и здесь не без исключений. Часто имя свидетельствует о принадлежности к определенному социальному классу. Например, в Англии такие имена, как *Lee* и *Wayne*, традиционно ассоциируются с представителями низших классов [2, p. 142]. Подобное свойственно и русским именам [4].

Коннотации личных имен рассматриваются в работах многих ученых [5–7]. Следует отметить, однако, что эти коннотации нередко носят вероятностный характер, их нельзя считать абсолютно нео-

проверяемыми. На наш взгляд, антропонимы, безусловно, являются знаками и, как любые знаки, несут в себе определенный смысл. Когда человек слышит имя в первый раз, он вполне может обрабатывать его семантически, но в дальнейшем обрабатывает на это все меньше внимания. Так, некоторые «чужеродные» имена могут показаться смешными, но в процессе общения с носителем такого имени юмористический эффект сглаживается и постепенно пропадает совсем.

Влияет ли предыдущий опыт (в самом широком смысле этого слова) на восприятие имен? Эксперименты показывают, что да, влияет. В одном исследовании двум группам испытуемых предложили оценить человека по пяти параметрам (хороший/плохой, искренний/неискренний и т.д.). В первой группе предлагали только имена, а во второй группе имя сопровождалось абсолютно нейтральной фотографией. Некоторые имена оценивались как «хорошие», в то время как другие оценивались как «плохие». Фотографии никакого существенного влияния не оказали [8].

Следовательно, в сознании человека имена сопровождаются определенными коннотациями. Личный опыт, историческая память, национализм и прочее играют здесь не последнюю роль. Например, известно, что люди с отчеством

Адольфович (а их в России немало) нередко сталкиваются с различными формами дискриминации.

Безусловно, следует дифференцировать значение имени для его носителя и значение имени для окружающих. Значение личных имен для других людей относится к коннотациям, о которых мы говорили выше (внешнее значение). Другое дело – внутреннее значение имени. Под внутренним значением мы понимаем то, что имя означает для его носителя, и данные аспекты носят исключительно индивидуальный характер. Известны случаи, когда люди, изначально носившие мусульманские имена, меняли их на более «европейские», поскольку ничего кроме имени с исламом их не связывало. Для некоторых их имена – это просто ярлыки, в которые вкладывается очень мало эмоций или смысла. Но, так или иначе, любой антропоним – это знак. Он обязательно имеет смысл, даже если это не всегда и не для каждого очевидно.

В своей книге *Peirce's Approach to the Self* Винсент Колапьетро напоминает, что, с точки зрения Пирса, все, что мы знаем или думаем, что знаем, известно нам благодаря знакам, или само это знание есть знак [1, р. 12]. Допустим, мы знаем человека, которого зовут Дарья Иванова. Антропоним «Дарья Иванова», вне

всякого сомнения, важная часть нашего восприятия этого человека.

Как известно, Пирс придерживался трехстороннего подхода, и его семиотика контрастирует, например, с дуализмом Фердинанда де Соссюра, который рассматривал знак как отношение означающего к означаемому [1, р. 5]. У Пирса процесс обозначения трехсторонен, в нем участвуют знак, обозначаемый объект и интерпретация знака человеком [9, р. 242]. Классифицируя знаки, он всегда опирается на данные аспекты. Называя антропонимы легисигнумами, Пирс использует термины, описывающие отношение знака к трем элементам предложенного им триединства, – знак, объект, интерпретанта. Важно отметить, что, хотя философ называет свою классификацию трихотомической, он поясняет, что один знак может включать в себя группу знаков, т.е. его классификация имеет иерархическую структуру, в которой одно может накладываться на другое. Подобные пересечения не должны сбивать с толку, они лишь свидетельствуют о комплексности рассматриваемого предмета.

Пирс описывает основные триады знаков, в которых мы находим его организационную схему. Он пишет, что знаки можно классифицировать исходя из того, что, во-первых, знак сам по себе есть

некое качество, во-вторых, знак соотносится с объективно существующими объектами и событиями, в-третьих, знак есть некий общепринятый закон [9, р. 243]. Помимо прочих, Пирс выделяет следующие три группы знаков: квалисигнумы (качественные знаки, некое качество есть знак), синсигнумы (единичные знаки, некий объект или событие есть знак) и легисигнумы (условный знак, закон, который является знаком). Очевидно, что антропонимы представляют собой условные знаки, «общепринятые законы», т.е. антропоним вне контекста – это легисигнум.

Как правило, легисигнумы не могут подаваться природой, их придумывают люди. Любой условный знак – это легисигнум, но не наоборот. Легисигнум относится не к единственному объекту, а к группе объектов. Обозначение конкретного объекта реализуется в каждом конкретном случае применения легисигнума. Такое контекстуальное применение легисигнума можно назвать его репликой. И эта реплика становится синсигнумом, т.к. уже относится к конкретному объекту [9, р. 246].

Итак, антропонимы придуманы людьми, условны и вне контекста соотносятся с группой людей. С одной стороны, человек не зависит от того, что о нем говорят и думают окружающие. С другой стороны,

мысли и слова – это тоже знаки, которые не могут не затрагивать этого человека.

По Пирсу, синсигнум – это объективно существующий объект или событие, которое представляет собой знак. Любой объект или событие осмысливается только с точки зрения своих качеств. Эти качества есть набор квалисигнумов [9, р. 245]. Как мы отмечали, реплика легисигнума (контекстуальное применение) становится синсигнумом, обозначая в нашем случае конкретного человека, у которого, безусловно, есть какие-то качества. Таким образом, антропоним может актуализироваться как знак-закон, знак-предмет и знак-качество.

Вернемся к гипотетической Дарье Ивановой. Относительно конкретной Дарьи Ивановой, соответствующий синсигнум затрагивает текущие события и признаки (Дарья может устать, злиться и т.п.), т.е. множество квалисигнумов. При этом Дарья может выйти замуж и сменить фамилию, что является подтверждением условности антропонима.

С точки зрения другой трихотомии знаков Пирса (знак-индекс, знак-икона, знак-символ), антропоним является знаком-индексом. Знак-индекс – это знак, который тесно связан с обозначаемым им объектом. Объект может повлиять на этот знак, изменить его. Знак-ин-

декс не может выступать как квалисигнум, поскольку квалисигнум указывает на независимые качества, достаточно свободные от влияния субъекта [9, р. 248].

Связь знака-индекса с объектом можно продемонстрировать на примере указательного пальца. Если вы указываете на объект пальцем и этот объект движется, вам придется двигать рукой вслед за объектом, т.е. менять положение знака-индекса, иначе он потеряет связь с объектом и утратит свое знаковое (указующее) значение. То есть знак-индекс всегда должен на что-то указывать.

Допустим, Дарья Иванова вышла замуж, сменила фамилию и стала Дарьей Петровой, т.е. повлияла на антропоним (признаки знака-индекса). При этом ее новая фамилия свидетельствует о ее новом качестве – статусе замужней женщины, т.е. с человеком произошли определенные изменения.

Возникает так называемая проблема корабля Тесея – проблема идентичности [10]. Есть мнение, что организм человека полностью меняется каждые семь лет. Если это так и все материальные составляющие человека изменились, то является он тем же человеком, каким был семь лет назад, или нет? Нам представляется, что Пирс имплицитно отвечает на этот вопрос следующим образом: в каждой замененной составляющей содержится «вну-

тренняя сила идентичности», и эта внутренняя сила никак не определяется внешним видом, в том числе и внешним видом соотносимого с человеком антропонима.

Внешние изменения человека не касаются его внутренней идентичности. Выйдя замуж, Дарья Петрова внутренне остается все той же Дарьей Ивановой. Для Пирса человек – это не просто организм, человек – это история, а имя человека – важная часть этой истории. С течением времени некий гипотетический Дима превращается в Дмитрия, Дмитрия Ивановича, дядю Диму, дедушку Диму... И хотя имя не определяет человека, оно влияет на его историю. Когда ребенок рождается, ему на ручку вешают информационный браслет с именем матери. Так ребенок получает свое первое имя, без имен и названий идентификация объекта невозможна. Любое новое имя человека – это присвоение нового индекса, который указывает на определенное событие в его жизни, например крещение.

Итак, отношения между антропонимами и людьми чрезвычайно разнообразны. Являясь легисигнумами, антропонимы представляют собой законы, предписываемые по некоей договоренности, т.е. мы в определенном смысле договариваемся называть человека так, а не иначе. При этом у окружающих

возникает связь между именем-легисигнумом и образом человека. В этом проявляется иконическое качество имени. Как мы отмечали, в теории Пирса семиотические характеристики могут накладываться друг на друга.

В третьей трихотомии знаков Пирс выделяет ремы, дицентры и аргументы. Данная трихотомия показывает, как знак относится к интерпретанте. Пирс поясняет, что рема – это знак, который для своей интерпретанты является знаком качественной возможности, т.е. понимается как нечто, представляющее качественную возможность, заключенную в объекте. В каждой реме, вероятно, заложена информация, но это ее свойство не является первичным [9, p. 250].

Рема – это знак, который представляет объект с точки зрения его характеристик. Дицент представляет объект с точки зрения его фактического существования. Аргумент представляет объект как знак, т.е. сам объект является знаком [9, p. 252].

Рематическое качество антропонима соотносится с характеристиками соответствующего объекта, которые не являются следствием чьих-то суждений и предположений. Если при этом учесть, что рема содержит информацию, тогда можно утверждать, что рематическое качество антропонима привносит

в интерпретанту некое знание, которое не является следствием суждений и предположений воспринимающего знак (антропоним) субъекта. Рема не подчеркивает истинность или ложность характеристик, как и практически любое слово в современных языках, кроме «да» и «нет» [9, р. 337].

Возьмем, например, предложение «Дарья умна». Абсолютно неважно, верно это утверждение или ложно, Дарья, как и любой другой человек, определенно обладает такой качественной возможностью.

Итак, антропонимы объединяют в себе свойства нескольких типов знаков. Любое имя несет в себе часть конкретного знания о человеке, который его носит.

В практическом смысле теория Пирса в контексте антропонимов приводит к двум главным результатам. Первый – имя человека влияет на его самоидентификацию, второй – имя человека влияет на то, как его воспринимают окружающие.

В уголовных делах подсудимые нередко ссылаются на временное помешательство. В таких делах никто не отрицает, что так сказать организм подсудимого участвовал в совершении определенных действий. Однако принимаются во внимание общие характеристики человека на момент совершения данных действий. В состоянии шока или стресса человек способен на то, что

никогда бы не совершил в обычном состоянии. Присутствует несоответствие с привычным легисигнумом – знаком-законом.

Рассмотрим пример. В 1999 г. женщину по имени Кристиан Гейм (Kristian Gaime) судили за убийство одного из ее детей [11, р. 1]. Согласно материалам дела, Гейм задумала убить себя и детей, одурманила мальчиков наркотиками и поместила вместе с собой в кабину микроавтобуса, затем завела машину и направила выхлопные газы в кабину. Всего в микроавтобусе находилось три человека. Выжили только сама Гейм и сын Адам. В деле Гейм заявление о временном помешательстве не сопровождалось признанием того факта, что именно она совершила соответствующие действия. Гейм заявила, что была не в себе, а сторона обвинения отметила, что это не значит, что она или ее адвокаты признают, что именно она виновна в смерти одного из сыновей. Для наших целей важны комментарии отца Кристиан. Он сказал, что Гейм была непоследовательна, не похожа на себя, говорила что-то о каком-то аэроплане. Узнав, что один из ее сыновей погиб, она ухмыльнулась, а затем стала рассказывать, как подключить видеомэгнитофон к телевизору.

Итак, Кристиан Гейм в определенный момент начала вести себя несоответственно своей «исто-

рии», не так, как от нее ожидалось. По всей вероятности, ее «нормальное я» тоже бы посчитало ее поступки неприемлемыми. Тогда может возникнуть вопрос, считать или не считать «ненормальное» обычным и привычным, особенно если ранее у человека не наблюдалось никаких отклонений. А может быть, отклонения наблюдались и ранее, например когда человек находился в состоянии наркотического опьянения. Другими словами, если поведение не кажется привычным, это не значит, что оно таковым не является. В контексте заявления в суде о временном помешательстве это очень серьезная проблема, т.к. это уже вопрос правосудия.

В этой связи пирсовские понятия индивидуальности и личности следует понимать, с одной стороны, как реакции, а с другой стороны, как самоконтроль. Колапэтро поясняет это так: если человек заявляет, что он тот же человек, который когда-то родился, значит, существует неразрывная цепь реакций, которые соединяют его нынешнего с ним тогдашним. Всякое индивидуальное «я» есть цепь реакций [1, р. 81]. Такой подход к личности не облегчает рассмотрение уголовных дел с заявлениями о временном помешательстве, но дает концептуальное объяснение того, что в таких делах рассматривается. Суду необходимо ответить на следующие вопросы:

является ли то, что мы рассматриваем в этом деле, разрывом в цепи реакций? позволяет ли этот разрыв признать подсудимого виновным в том, что он совершил? если такой разрыв имел место, виноват ли в нем подсудимый? Если виноват, в любом случае его следует признать виновным, даже если деяние совершено в состоянии измененного сознания. И наоборот, допустим, человек стал свидетелем ужасного события, испытал стресс и просто не мог вести себя привычным образом. Универсальной формулы нет, но подобный подход к природе человека определенно может внести положительный вклад в принятие решений по подобным делам.

Итак, с точки зрения когнитивной психологии значение имени – категория достаточно условная и предопределенная индивидуальными и коллективными факторами. Однако теория Пирса в контексте антропонимов может помочь заново переосмыслить как проблемы, уходящие корнями в историю философии, так и современные социально-политические вопросы. Мы делали выводы на основе семиотической классификации антропонимов, рассматривая ее под разными углами. Теория Пирса определенно оставляет пространство для дальнейших исследований в этой сфере.

Имена людей меняются, как и сами люди. И люди, и их имена ус-

ловны, основываются на привычках и соображениях полезности. Модели поведения, стоящие за антропонимами, требуют обозначения цепи событий, которую демонстрирует тот или иной человек. Сквозь при-

зму теории Пирса люди предстают как постоянно меняющиеся условные объекты, которые мы воспринимаем объективно лишь отчасти, и в основе этого восприятия лежит закон привычного поведения.

Библиографический список

1. *Colapietro V.* Peirce's Approach to the Self: A Semiotic Perspective on Human Subjectivity. Albany, NY: State University of New York Press, 1989. 141 p.
2. *Brennen T.* On the Meaning of Personal Names: A View from Cognitive Psychology // *Names A Journal of Onomastics*. 2000. Vol. 48, No. 2. P. 139–146.
3. *McWeeny K., Young A., Hay D., Ellis A.* Putting names to faces // *British Journal of Psychology*. 1987. Vol. 78. P. 143–149.
4. *Шайкевич А.Я.* Социальная окраска имени и его популярность // *Поэтика, стилистика, язык и культура: памяти Т.Г. Винокур*. М.: Наука, 1996. С. 265–286.
5. *Kasof J.* Sex Bias in the Naming of Stimulus Persons // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 113. P. 140–163.
6. *Lawson E.D., Roeder L.M.* Women's Full First Names, Short Names, and Affectionate Names: a Semantic Differential Analysis // *Names A Journal of Onomastics*. 1986. Vol. 34. P. 175–184.
7. *Mehrabian A.* Impressions Created by Given Names // *Names A Journal of Onomastics*. 1997. Vol. 45. P. 19–33.
8. *Steele K.M., Southwick L.E.* First Names and First Impressions: A Fragile Relationship // *Sex Roles*. 1989. Vol. 21. P. 517–523.
9. *Peirce Ch.S.* Collected papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931. Vol. 2. 535 p.
10. Парадокс корабля Тесея. URL: https://posmotre.li/Парадокс_корабля_Тесея (дата обращения: 10.10.2021).
11. *Squires Ch.* Woman accused in son's death to claim temporary insanity // *St. Petersburg Times (Florida)*. 2000. 13 December. Section: Pasco Times.

Е.А. Богачева,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

ИСКУССТВО ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ

Искусство убеждения является краеугольным камнем эффективной деятельности адвоката в судебном субдискурсе, пронизывая судебные разбирательства с намерением информировать, влиять и принуждать. Способность убеждать (от убедительных вступительных заявлений до захватывающих заключительных аргументов) основывается на тонком взаимодействии риторики, доказательств и эмоционального резонанса, воплощая суть юридического искусства в защите интересов и прав клиентов.

Как подчеркивает Н.Г. Храмцова, в современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигме особый интерес исследователей Е.Ю. Балашовой, Е.А. Богачевой, Т.В. Дубровской, М.О. Осетровой проявляется именно к изучению языковых средств реализации различных коммуникативных интенций говорящего, что обуславливает актуальность данной статьи. В своих исследованиях она доказывает, что в персуазивной коммуникации судебного процесса адвокат воздействует на суд присяжных с целью осуществления необходимого для него решения (например, вынесения оправдательного приговора) путем реализации тактики убеждения и использования разнообразных языковых средств речевого воздействия на сознание адресата (суда присяжных) [1, с. 208].

Г.Ф. Дубинчик отмечает, что состязательность процесса обеспечивается диалогическими отношениями сторон в ходе судебного разбирательства, где каждый из участников владеет целым арсеналом стратегий и тактик [2]. Следовательно, тактику убеждения можно определить как коммуникативный процесс, с помощью которого убеждающий стремится создать у убеждаемого благоприятное расположение, побуждающее последнего совершить действие, представляемое как желаемое [3, с. 25].

Убедительная аргументация сочетает в себе цели аргументации с целями убеждения. Эти цели не противоречат друг другу, потому что в некоторых случаях мы можем добиться изменения намерения действовать, просто приняв разумное соглашение. Они дополняют друг друга, поскольку цели убеждения выходят за рамки простой поддержки позиции, т.к. действительно стремятся спровоцировать действие [3, с. 27]. Таким образом, эпистемическая цель аргументации соединяется с прагматической целью убедительной эффективности.

В процессе судебного субдискурса каждый из участников разрабатывает свою коммуникативную тактику, которую определяют как план речевых действий, с помощью которых говорящий пытается решить свои юридические задачи [3, с. 34].

Эффективное убеждение в юридических спорах часто опирается на классические риторические принципы этоса, пафоса и логоса. Этос относится к авторитету и надежности оратора, пафос апеллирует к эмоциям аудитории, а логос подразумевает использование логических рассуждений и доказательств. Юристы умело балансируют этими тремя элементами, чтобы выстроить судебное дело более убедительно.

Во-первых, этос устанавливается через репутацию, знания и мане-

ру поведения адвоката. Так, исследователи Г.Ф. Дубинчик и С.Ф. Сокол отмечают, что уровень этоса судебной полемики характеризуется: подчеркнутой официальностью отношений сторон; профессиональной корректностью и взаимоуважением; высоким чувством личной ответственности участников за свои слова и поступки.

Аргументированной основой этого являются высокая нравственность и профессионализм участников судебного субдискурса, личная культура, этически безупречное поведение и отношение к другим участникам судебного процесса. Специфика этоса судебной полемики состоит также в том, что цель одержать верх в споре в судебном заседании не является главной. Адвокаты, которые пользуются уважением в своей области, с большей вероятностью убедят судей, присяжных и, следовательно, должны поддерживать профессионализм и честность на протяжении всего судебного разбирательства, чтобы сохранить свою репутацию [2].

По словам Г.Ф. Дубинчика, пафос подразумевает связь с эмоциями аудитории. Изучив труды данного исследователя, мы видим, что уровень пафоса судебной речи – это намерение автора наилучшим образом развить перед аудиторией тему обвинения или защиты, доказательства, произвести при этом со-

ответствующий эффект. Автор подчеркивает, что судебное заседание является официальным отправлением государственного правосудия, а не театром артистического слова. Пафос как средство убеждения, исходящее от личности современного судебного оратора, – это не столько изысканность слога и чувства, сколько собранность и уверенность оратора, этичность манер и поведения, хорошая литературная речь, достойный вид, проявление готовности честно и благородно служить правосудию [2].

Важно обратить внимание, что адвокаты часто используют такие элементы судебного субдискурса, как повествование, яркий язык и убедительные высказывания, чтобы вызвать сочувствие и симпатию у судей и присяжных заседателей. Например, в ходе судебного разбирательства о телесных повреждениях адвокат может использовать элемент пафоса, чтобы описать боль и страдания потерпевшей стороны, стремясь вызвать у аудитории чувство несправедливости, которое необходимо исправить.

Следующий элемент судебного субдискурса – логос. По мнению С.Ф. Сокола, данный элемент опирается на логические рассуждения и доказательства и включает в себя представление фактов, экспертных показаний и юридических прецедентов. Хотя этос и пафос могут

быть мощными элементами судебного субдискурса, логос обеспечивает основу, на которой и строится убедительный аргумент. Адвокаты должны представить убедительные логические доводы, чтобы убедить судью или присяжных в достоинствах своей позиции [2].

Таким образом, одним из самых эффективных риторических приемов в юридических аргументах судебного субдискурса является использование убедительного повествования. Адвокаты часто повествуют, не представляя факты по судебному делу, и тем самым вызывают эмоции у аудитории. Например, в уголовном процессе адвокат со стороны защиты может рассказать историю о трудном воспитании своего подзащитного и его жизненных обстоятельствах, которые привели к его предполагаемому преступному поведению. Такое повествование может очеловечить подсудимого и вызвать сочувствие у присяжных заседателей. Между тем прокурор может построить повествование и так, чтобы показать подсудимого как угрозу обществу, подчеркивая необходимость обвинительного приговора.

Еще одним мощным риторическим приемом в юридических аргументах судебного субдискурса выступает обращение к правовому прецеденту. Когда адвокаты ссылаются на прецеденты, они утвержда-

ют, что как закон интерпретировался в прошлом, так его и необходимо интерпретировать. Подобное высказывание и может быть убедительным аргументом, поскольку судьи и присяжные часто склонны следовать устоявшимся правовым принципам. Поэтому адвокатам необходимо тщательно выбирать и представлять прецеденты, соответствующие фактам и правовым вопросам их судебного дела.

Более того, адвокаты могут заниматься юридическим анализом, демонстрируя свое знание правовых принципов и способность применять их к текущему делу, что позволяет им не только сформировать этос, но и укрепить логос. Анализируя сложные юридические вопросы и представляя их ясно и аргументированно, адвокаты смогут убедить суд в правильном толковании закона.

Для судебного субдискурса тактика убеждения в юридических аргументах также включает в себя предвосхищение и рассмотрение контраргументов. Таким образом, адвокатам следует не только обозначить свою позицию, но и быть готовыми отвечать на противоположные аргументы, что требует глубокого понимания слабых сторон своего дела и сильных сторон противоположной стороны [3].

Исследования М.О. Осетровой показывают, что адвокаты в ходе су-

дебного разбирательства признают и рассматривают контраргументы, так они демонстрируют интеллектуальную честность и авторитетность. Такое признание может усилить их этос, показывая, что они рассмотрели противоположные точки зрения и имеют веские причины для их отклонения. Более того, прямое рассмотрение контраргументов может превентивно развеять потенциальные сомнения у судей и присяжных [1, с. 209].

Несмотря на то, что искусство убеждения является основополагающей частью юридической практики, оно также вызывает этические проблемы. Адвокатам необходимо соблюдать тонкую грань между ревностной защитой своих клиентов и соблюдением своих этических обязательств перед судом и юридической профессией.

Одной из этических проблем выступает использование тактик эмоционального манипулирования для влияния на судей и присяжных заседателей. Хотя пафос служит основным риторическим приемом, адвокаты должны быть осторожны, чтобы не эксплуатировать эмоции аудитории в несправедливых целях. Граница между убедительным повествованием и эмоциональной манипуляцией может быть неопределенной, и адвокаты должны проявлять осмотрительность и сдержанность.

В итоге рассмотрения данного вопроса важно сказать, что искусство убеждения в юридических спорах – это сложная и многогранная задача. Участникам судебного субдискурса необходимо владеть такими элементами судебной полемики, как этос, пафос и логос, а также применять стратегии повествования, правовых прецедентов и контраргументов для создания более убедительных выступлений и предвидеть

оппозицию. Таким образом, эффективность тактики убеждения в юридических спорах зависит от навыков и этики участников судебного субдискурса. Тонкий баланс между ревностной защитой и этической ответственностью подчеркивает важность честной и справедливой правовой системы, где тактика убеждения является инструментом истины и правосудия.

Библиографический список

1. *Осетрова М. О.* Риторические вопросы как реализация стратегии убеждения в судебном дискурсе // *Современные исследования социальных проблем.* 2020. Т. 12, № 1. С. 207–217.
2. *Дубинчик Г. Ф., Сокол С. Ф.* Риторика: учеб. пособие. Минск: БИП-С Плюс, 2008. 220 с.
3. *Балашова Е. Ю., Богачева Е. А.* Прагма-коммуникативная стратегия убеждения в англоязычном судебном дискурсе (на материале образцов речи участников судебного процесса) // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики.* 2023. № 2. С. 25–34.
4. *Храмцова Н. Г.* Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. 179 с.

Е.В. Волгина,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ТЕРМИНА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ПРАВА)

В рамках теоретического терминоведения активно обсуждается вопрос о статусе термина [1–5]. Начиная с 1970-х гг. сформировалось определение термина как слова или словосочетания специального языка, возникающего для точного выражения специальных понятий. Таким образом, разногласия лежат не в области определения сути термина, а в области определения статуса термина как статичного или динамичного языкового знака.

Ряд ученых определяют статус термина как идеального знака, который характеризуется однозначностью, системностью и не зависит от контекста. Основным инструментом выражения значения термина называют дефиницию. Академик В.В. Виноградов отмечал, что «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. является или средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [6, с. 12–13].

Иной подход выражается в определении статуса термина как функциональной единицы, т.е. термином может считаться слово в особой функции [7, с. 5].

По нашему мнению, статус термина должен рассматриваться с точки зрения двух подходов: системного и функционального, поскольку оба направления позволяют взглянуть на термин, с одной стороны, как на часть системы, а с другой, как на часть дискурса. В рамках функционального подхода можно рассматривать такие категории термина, как динамизм, противоречивость, контекстуальность, эмоциональная окрашенность [8, с. 35]. Дефиниция термина не может передать данные категории в рамках системного подхода.

Объединение двух подходов позволяет исследовать термин как часть статичной терминосистемы, где термины представлены в идеальных условиях (в специальных словарях), а также в процессе функционирования терминов в профессиональной коммуникации, где терминология реализуется в специальном контексте (в специальной литературе). Весь спектр категорий термина проявляется именно в процессе использования термина в реальных условиях употребления в устной или письменной профессиональной коммуникации.

Любая система может быть описана на уровне отношений между составляющими ее элементами. Кроме того, систему можно охарактеризовать на уровне ее функционирования. Имплицитные свойства термина не проявляются в статичной терминосистеме, а эксплицируются в процессе контекстуального употребления.

В целях определения статуса термина необходимо рассмотреть вопрос о его структуре. В научной литературе подчеркивается многоуровневость терминологического анализа. Ряд ученых приписывают термину такие атрибуты, как многослойность, логическое содержание, концептуальность, понятийность, функциональность [9, с. 54]. Термин как элемент естественного языка изменяется согласно фонетическим

и грамматическим правилам данного языка. Специфическая форма термина как системного знака проявляется на словообразовательном уровне.

Функциональный статус термина во многом определяется тем фактом, что специальный язык полифункционален, т.е. реализует различные функции языка. К данным функциям можно отнести эпистемическую функцию (отражение действительности и хранение информации), когнитивную функцию (приобретение нового знания), коммуникативную функцию (сообщение специальной информации).

Статус термина как статичной или функциональной единицы во многом определяется наличием двух уровней в структуре термина: языкового и понятийного [10, 11]. Строительным материалом терминосистемы являются языковые свойства терминов, т.к. последние представляют собой лексические единицы. В то же время терминосистему формируют научные понятия. В этом случае термин выступает в качестве понятия, которое используется для выражения смыслов, связанных с экстралингвистической действительностью. Среди ученых наиболее популярен подход, согласно которому значение термина приравнивается к понятию. Термин можно определить как языковую и понятийную единицу специальных областей зна-

ний, которая номинирует объекты, процессы, а также отражает элементы окружающего мира.

В структуре правового термина понятийный план выходит на первое место, поскольку полное, точное отражение содержания правового понятия играет ключевую роль в правовых взаимоотношениях. Право включает такие отрасли, как гражданское право, семейное право, уголовное право, экологическое право и т.д. В связи с этим статус правового термина определяется его функционированием в той или иной правовой области. Так, терминология права непосредственно связана с правилами и нормами регулирования отношений между людьми, между человеком и обще-

ством и, как следствие, не может рассматриваться только как часть замкнутой, статичной терминосистемы.

Широкая сфера применения юридической терминологии в общественных сферах напрямую влияет на статус юридического термина как понятийной функциональной единицы.

Перспективным направлением в области исследования статуса термина представляется научный анализ и описание терминов для выявления иерархии терминосистемы и выработки критериев отбора слов для лексикографической работы по составлению словаря терминов права.

Библиографический список

1. *Акаева Х.А.* Дискуссионные вопросы о сущности и статусе терминов в исторической реальности, их уникальность и развитие // *Рефлексия*. 2014. № 5–6. С. 35–38.
2. *Василенко В.А.* Языковой статус юридического термина: специфика перевода // *Вестник Самарского юридического института*. 2013. № 3 (11). С. 93–97.
3. *Исаева Н.В., Змазнева О.А.* Некоторые аспекты определения статуса и структуры специальной лексики в современном русском языке (на примере терминов машиностроения) // *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2013. Т. 7, № 1–6. С. 10–14.
4. *Мазнева Ю.А.* Проблема лингвистического статуса и структуры терминов-аббревиатур // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2008. № 10. С. 162–167.
5. *Милуд М.Р.* К спорному статусу термина // *Русистика без границ*. 2023. Т. 7, № 1. С. 24–33.
6. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947. 785 с.
7. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // *Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы*. Филол. фак-т. 1939. Т. 5. С. 3–54.
8. *Алексеева Л.М.* Термин как категория общего языкознания // *Русский филологический вестник*. 1998. Т. 83, № 1/2. С. 33–45.

9. *Лейчик В.М.* Об относительности существования термина // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики»: материалы симпозиума – рефераты и аннотации: в 2 ч. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. Ч. 2. С. 436–442.

10. *Волгина Е.В.* Концепт LABOUR в австралийском юридическом дискурсе: гендерный аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2024. № 1. С. 42–52.

11. *Кузнецова Ю.А.* Концепт «law» в научно-юридической и бытовой картинах мира английского языка // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. ст. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 61–66.

А.С. Шималакова,

магистрант 2-го курса

Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОСУДЕБНОГО И ВНЕСУДЕБНОГО СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В ст. 2 ГК РФ содержится определение предпринимательской деятельности, согласно которому «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» [1]. Предпринимательская деятельность затрагивает огромное количество субъектов. Лицами, осуществляющими коммерческую деятельность, могут быть как физические, так и юридические лица. Гражданский кодекс РФ указывает на то, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (абз. 1 п. 1 ст. 23 ГК РФ). Если физическое лицо хочет начать осуществлять рисковую деятельность, приносящую прибыль, ему необходимо пройти определенную процедуру регистрации в уполномоченном органе и получить статус индивидуального предпринимателя. В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального

предпринимателя (абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ). В приведенном случае речь идет о регистрации граждан в качестве самозанятых. Согласно приказу ФНС России от 2 июля 2021 г. № ЕД-7-20/620@ «Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход”», самозанятыми гражданами признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в порядке, установленном Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» [2].

То же самое распространяется и на юридическое лицо: если тот или иной гражданин или группа граждан собирается заниматься приносящей доход деятельностью, им необходимо создать хозяйственное общество и зарегистрироваться в налоговом органе. В данном случае, согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осу-

ществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Стоит отметить, что предпринимательскую деятельность могут осуществлять не все юридические лица, а только коммерческие, т.е. те организации, которые имеют в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли.

Как отмечалось ранее, предпринимательская деятельность всегда связана с риском, причем риск заключается не только в получении и неполучении дохода, преваляровании чистой прибыли над расходами или наоборот, хотя, скорее всего, в большинстве случаев именно в этом. В основном любой спор между предпринимателями связан именно с экономической составляющей, и судебная статистика тому подтверждение. Так, согласно информационной статье издания «Коммерсантъ» от 29 сентября 2023 г., официальная статистика Генпрокуратуры и МВД за первое полугодие 2023 г. показывает существенный рост «экономических» преступлений по сравнению с тем же периодом 2022 г. Речь идет о различных мошенничествах (ст. 159–159.6 УК РФ), растратах (ст. 160 УК РФ), причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), а также о многочисленных преступлениях в сфере экономи-

ческой деятельности, включенных в гл. 22 Уголовного кодекса РФ. В производстве за первое полугодие 2023 г. числилось 352 тыс. уголовных дел по указанным статьям УК, что на 15 % больше по сравнению с первым полугодием 2022-го. Динамику «подстегнул» рост числа вновь зарегистрированных дел. За полугодие их «накопилось» 240,2 тысячи, что на 21 % больше, чем годом ранее [3]. По данным исследования сервиса «Контур.Фокус», за 2023 г. в России число экономических споров в судах превысило 538 тысяч, что на 16 % больше по сравнению с показателем годичной давности. По сравнению с 1 сентября 2020 г. разбирательств стало больше на 77 % [4].

На получение дохода от предпринимательской деятельности влияет множество факторов: правильное построение взаимоотношений с контрагентами, грамотное составление договорной документации, коммуникация внутри компании и за ее пределами с контролирующими органами, рациональный экономический подход. В случае отклонения какого-либо из этих факторов может возникнуть конфликтная ситуация, вследствие которой у предпринимателя появится потребность в защите своих интересов. Чаще всего граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, предпочитают

разрешать противоречия «мирным путем», оставляя судебным тяжбам «второе место».

В научной литературе, когда речь идет о разбирательстве без участия суда, авторы, как правило, не разграничивают понятия «внесудебная защита» и «досудебная защита», отождествляя их. Представляется интересным следующее положение, касающееся содержания внесудебной защиты. По мнению В.К. Андреева и В.А. Лаптева, в корпоративной практике можно выделить два способа защиты корпоративных прав без участия суда: досудебный и внесудебный. Между приведенными способами тонкая и даже условная грань различия. Так, не каждый досудебный порядок разрешения спора заканчивается судом, и не каждый внесудебный порядок разрешается без последующего обращения в суд [5]. Это замечание представителей юридической науки вызывает интерес, потому что на первый взгляд эти понятия кажутся синонимичными. Хотя, возможно, они такими и являются, ведь и досудебный порядок, и внесудебный сами по себе не предполагают обращения в суд: если обратиться к языкознанию и морфемике и разобраться в словообразовании, то «вне» и «до» являются приставками к корню «суд», значение этих приставок схожее – за пределами чего-либо, не доходя до чего-либо.

Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1980-х гг. «Новые слова и значения» под редакцией Е.А. Левашова определяет «досудебный» как «происходящий до судебного разбирательства, предшествующий ему» [6, с. 213]. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой дает прилагательному «внесудебный» следующее определение: «находящийся за пределами судопроизводства (в юриспруденции); не связанный с судом, осуществляющийся без суда и следствия» [7]. То есть сходство и синонимичность между этими формами действительно есть. Различие можно усмотреть лишь в том, что «досудебный» является предшествующей до суда стадией, а «внесудебный» будто исключаящий обращение в суд. Тем не менее, как было отмечено В.К. Андреевым и В.А. Лаптевым, в современных реалиях внесудебный порядок не может в полном объеме исключать обращение в судебную инстанцию.

На наш взгляд, можно употреблять термин «досудебный способ защиты» в том случае, когда речь идет о стадиях разрешения конфликта, считать, что конфликт при его возникновении может проходить две стадии – досудебную и судебную. Если с судебной все понятно, к этой стадии относится обращение в суд, то форм досудебной стадии может быть несколько:

юрисдикционная, неюрисдикционная, о которых речь пойдет дальше.

А вот внесудебная защита к стадиям разбирательства уже не относится. Она характеризует именно субъектный состав, т.е. лиц, осуществляющих защиту и порядок. Как отмечалось ранее, внесудебная защита должна исключать участие суда. Внесудебную защиту могут осуществлять любые органы, организации и их должностные лица за исключением суда.

Таким образом, можно представить некоторое количество оснований классификации способов защиты прав предпринимателей. Среди них следует выделить основание разграничения по стадиям защиты: досудебный и внесудебный способ; по субъектному характеру: внесудебная защита (органы исполнительной власти, органы прокуратуры, организации и их должностные лица и т.д.) и судебная защита (суд).

Важно обратить внимание на то, что в законодательстве нередко предусмотрен обязательный досудебный способ разрешения противоречий. Например, в п. 2 ст. 138 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) прямо предусмотрено, что акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжа-

лования в вышестоящий налоговый орган в порядке, предусмотренном НК РФ [8]. Это значит, что нельзя обратиться в суд, не пройдя досудебную стадию разбирательства, а в сфере предпринимательства налоговый орган является одним из главных и основных контролирующих органов. Применение таких императивных норм связано с тем, что на практике существует реальная возможность мирного разрешения конфликта между предпринимателем и контролирующим лицом, минуя суд. Такой досудебный способ урегулирования конфликта является не только досудебным, но и внесудебным способом защиты. То есть разграничение по основаниям не является категоричным, сами способы и лица, осуществляющие защиту, могут относиться сразу к нескольким основаниям.

Цель внедрения досудебных способов защиты заключается в возможности разрешить конфликт без обращения в суд, разгрузить суды, уменьшить расходы предпринимателей и издержки государства. Досудебные способы защиты корпоративных прав, как правило, используются, когда законодательством установлено обязательное совершение юридически значимых действий, позволяющих реально до обращения в суд урегулировать разногласие. В случае, когда такие

действия не приводят к положительному результату – разрешению разногласий, корпоративный спор разрешается в суде [5].

К субъектам, осуществляющим внесудебный и досудебный порядок защиты прав предпринимателей, можно отнести: медиатора, различные органы и организации (Банк России, ФАС России, органы прокуратуры, ФНС России и др.), нотариуса, уполномоченного по защите прав предпринимателей, профессиональных юристов, членов органов корпорации и (или) корпорацию, арбитражное учреждение (третейский суд), имеющие двойственную природу, и др.

Разрешить противоречия досудебного разбирательства можно различными механизмами. Среди основных выделяют: нотариальные процедуры защиты прав предпринимателей, разбирательство в третейских судах, претензионный порядок урегулирования споров, медиацию, деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей. Защите в административном порядке (с помощью органов исполнительной власти) или посредством органов прокуратуры придают второстепенное значение.

Неюрисдикционная форма защиты охватывает собой действия граждан и организаций по защите гражданских прав и охраняемых законом интересов, которые совер-

шаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к государственным и иным компетентным органам.

На наш взгляд, термин «неюрисдикционные формы защиты» стоит отличать от термина «внесудебные формы защиты», т.к. неюрисдикционные формы означают возможность защиты, исключающей обращение в какие-либо органы государственной власти, в то время как внесудебные формы предполагают защиту любыми способами, исключаящими только судебные инстанции РФ (судебную власть). Можно предположить, что «внесудебные формы» более широкое понятие по отношению к «неюрисдикционным», поскольку охватывает больший объем механизмов защиты. Например, при оспаривании решения налогового органа предпринимателю следует обратиться в вышестоящий налоговый орган. В этом случае обращение будет являться внесудебной формой защиты и относиться к юрисдикционному способу, т.к. Федеральная налоговая служба – это государственный орган, осуществляющий исполнительную власть.

Таким образом, не всякая форма внесудебной защиты является неюрисдикционной, она может быть и юрисдикционной, но всякая судебная форма защиты является юрисдикционной (поскольку судьи

осуществляют судебную власть, наделены этими полномочиями и выступают представителями власти).

Можно предположить, что институт защиты следует классифицировать по разным основаниям, в том числе по стадиям (досудебный и внесудебный способ), по формам (юрисдикционная и неюрисдикционная), по характеру участия суда в осуществлении защиты (внесудебная и судебная защита), и тогда разграничение понятий «досудебный способ защиты» и «внесудебный способ защиты» будет обоснованно понятным. При этом стоит обратить внимание, что сами формы защиты могут перекликаться по различным основаниям.

Конечно, при разрешении противоречий в практической деятельности теоретическое содержание тех или иных понятий практически не имеет значения, т.к. практикам главное прийти к цели – защитить права лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, но важно разграничивать их для того, чтобы понимать суть и значение внесудебных и досудебных форм защиты, чтобы в практической деятельности иметь грамотное представление о том, какую из форм лучше выбрать и применить. Без фундаментальных знаний в области теории нельзя достичь успехов в практической деятельности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933.
2. Приказ ФНС России от 2 июля 2021 г. № ЕД-7-20/620@ «Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход”» (в ред. от 7 апреля 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Следствие проявило деловую активность // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6237582> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Российский бизнес стал чаще судиться // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/10/2023/653a400a9a794771e19b3d3b> (дата обращения: 15.09.2024).
5. *Андреев В.К., Лантев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с.
6. Новые слова и значения: слов.-справ. по матер. прессы и лит. 1980-х гг. / [Т.Н. Буцева и др.]; под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 903 с.
7. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т.: свыше 136 000 словарных статей: около 250 000 семантических единиц. М.: Русский язык, 2000. 1210 с.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 8 сентября 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3824; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4955.

М.У. Магомедова,
магистрант 1-го курса
Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАЕМЩИКОВ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОБРАЩЕНИИ К ФИНАНСОВОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ

Нарушение прав заемщиков микрофинансовых организаций (далее – МФО) является актуальной проблемой, привлекающей внимание научного сообщества [1, с. 151]. Отсутствие у граждан финансовой грамотности и желание получить денежные средства в короткие сроки вынуждают обращаться в микрофинансовые организации. Рассмотрим подробнее деятельность МФО, а также случаи возможного обращения к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг (далее – финансовый уполномоченный) для досудебного урегулирования спора.

В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (в ред. от 22 июля 2024 г.) [2] микрофинансовая организация – юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность и сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций в порядке, предусмотренном указанным Федеральным законом. То есть МФО не является банком, но имеет право на выдачу займов. Как правило, это небольшие денежные суммы, выдаваемые на короткий срок под большие проценты. Один из важнейших моментов, на которые заемщики обязаны обратить внимание, – это нахождение МФО в реестре. На основании Федерального закона № 151-ФЗ все микрофинансовые организации должны быть внесены в государственный реестр МФО, порядок ведения данного реестра регламентирован указанием Банка России от 19 ноября 2020 г. № 5627-У «О ведении Банком России государственного реестра микрофинансовых организаций» [3]. Банк России регулирует деятельность МФО,

осуществляет надзор за соблюдением законов и иных нормативных правовых актов финансовыми организациями [4, с. 45].

Условия предоставления займа гораздо проще, чем условия получения кредита в банке. Если в банк требуется предоставить кредитную историю и все необходимые документы, то для получения микрозайма достаточно лишь паспорта. Еще одно условие: сумма до 1 млн рублей выдается физическим лицам в возрасте от 18 лет, сумма до 3 млн рублей – юридическим лицам.

Нередки случаи уклонения от погашения задолженности со стороны заемщика. На основании предоставленных прав по договору при отказе защитника в добровольной выплате задолженности микрофинансовая организация имеет право обратиться в суд, а в случае выдачи займа под залог имущества – обратиться взыскание на данное имущество. С 1 января 2020 г. все микрофинансовые организации осуществляют добровольное сотрудничество со Службой обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Организации, занесенные в реестр, взаимодействуют со службой на основании закона, а заемщики правомочны заявлять требования непосредственно через финансового уполномоченного [5].

Поскольку целью статьи является исследование способов защиты

прав заемщиков, то целесообразно обратиться к характеристике правового статуса финансового уполномоченного, к которому они вправе, а в некоторых случаях обязаны обращаться, если нарушены финансовые права, для досудебного урегулирования спора с микрофинансовой организацией.

Досудебный порядок заключается в следующем: гражданин, чье право нарушено, обязан обратиться в первую очередь в ту финансовую организацию, где было выявлено нарушение. Если МФО отказывается удовлетворять требования заемщика, то в соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [6] (далее – Закон № 123-ФЗ) до обращения в суд ему необходимо обратиться к финансовому уполномоченному. С 2018 г. такой порядок обязателен для потребителя. Помимо прочего, обращение к финансовому уполномоченному является бесплатным, оформление заявления происходит в короткие сроки [7], а также его решения имеют силу исполнительного документа и передаются на принудительное исполнение.

На основании ст. 15 Закона № 123-ФЗ при обращении к финансовому уполномоченному сумма долга перед МФО должна составлять не более 500 тыс. рублей. Если

долг превышает указанную сумму, то заемщик вправе обратиться в суд. То есть гражданин оказывается в ситуации, когда ему необходимо выплатить микрофинансовой организации до 1 млн рублей с быстро растущими процентами, без возможности обратиться за бесплатной помощью к финансовому уполномоченному. С одной стороны, нарушение договора потребительского кредитования микрофинансовой организацией, с другой – несение судебных расходов. Заемщики попадают в еще большую долговую кабалу, не имея возможности обратиться за помощью к финансовому уполномоченному.

К примерам, когда лицо не может обратиться к финансовому уполномоченному, относятся случаи отсутствия МФО в государственном реестре, исключения организации из реестра, нахождения в процессе ликвидации, прекращения деятельности или иные случаи. Необходимо помнить, что финансовый уполномоченный может рассматривать дела только в отношении легальных организаций. Действия коллекторов также не подлежат рассмотрению уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг в соответствии с законом. Если МФО не состоит в реестре, следует обращаться в Банк России или суд.

В России обращение в микрофинансовые организации – явле-

ние частое. Институт финансового уполномоченного появился совсем недавно, поэтому немногие о нем знают, это говорит о низком уровне финансовой грамотности. Во многих регионах нашей страны о досудебном урегулировании финансовых споров осведомлены не все, поэтому многие по незнанию обращаются сразу в суд. С введением обязательного досудебного урегулирования спора через финансового уполномоченного количество обращений возросло. Согласно статистическим данным за 2023 г., из 1 774 обращений по микрофинансовым спорам 1 307 (73,7 %) обращений связаны с микрозаймами, 5 (0,3 %) обращений – с привлечением денежных средств (инвестициями), 462 (26,0 %) обращения – с иными спорами с микрофинансовыми организациями, в том числе не связанными с имущественными требованиями [8].

Как показывает анализ судебной практики, споры часто возникают из требования потребителя о взыскании с МФО излишне уплаченных процентов за пользование займом. За нарушение законодательства РФ о микрофинансовой деятельности предусмотрена административная ответственность (ст. 15.26.1 КоАП РФ). Помимо прочего, введены максимальные суммы штрафов, которые могут установить МФО, – задолженность не должна

превышать полуторакратного размера долга.

Денежные средства можно вернуть за мошеннические действия со стороны микрофинансовых организаций, а именно дополнительные услуги, которые МФО могут требовать незаконно. Это может быть страховка, проверка банковской карты, кредитной истории, досрочное погашение, а также уведомления о состоянии задолженности и комиссии за переводы и иные операции. Для возврата средств необходимо обратиться в первую очередь в саму организацию, а уже в случае отказа – к финансовому уполномоченному.

На основании изложенного можно резюмировать наличие некоторых пробелов в практике взаимодействия с МФО, а также отсутствие должного внимания к обращениям граждан к финансовому уполномоченному. Во-первых, хотелось бы отметить разницу в суммах займа в МФО (до 1 млн рублей) и при обращении к финансовому упол-

номоченному (до 500 тыс. рублей). Представляется целесообразным привести сумму к одному показателю, чтобы гражданин, чье право нарушено, мог обратиться к финансовому уполномоченному за защитой своих прав.

Во-вторых, при обращении в микрофинансовые организации гражданам следует очень внимательно читать договоры, обращать внимание на мелкий шрифт, реагировать на подозрительные действия со стороны МФО, такие как платные дополнительные услуги. Не рекомендуется обращаться в онлайн-микрозаймы, т.к. данные, хранящиеся в интернете (паспортные данные, фотографии банковских карт), могут быть взломаны и распространены недобросовестными пользователями. Если гражданин решил воспользоваться услугами микрофинансовой организации, то следует обращаться только в официально зарегистрированные и занесенные в реестр МФО.

Библиографический список

1. Сурменова Е.А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 272 с.
2. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (в ред. от 22 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2010. № 27, ст. 3435; 2024. № 31, ст. 4458.
3. Указание Банка России от 29 ноября 2019 г. № 5250-У «О ведении Банком России государственного реестра микрофинансовых организаций» // Вестник Банка России. 2019. № 96.

4. Абдрахимов Э.Р. Особенности потребительского кредитования в микрофинансовых организациях // Вестник науки. 2022. № 2 (47). С. 94–99.
5. Перечень финансовых организаций // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/organizations/ob-informirovani-potrebitel-j-finansovyix-uslug-finansovyimi-organizacziyami,-vzaimodejstvuyushhimi-s-finansovyim-upolnomochennyim.html> (дата обращения: 23.02.2025).
6. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3390.
7. Электронная брошюра «Урегулирование споров с микрофинансовыми организациями финансовым уполномоченным» // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/527/Broshyura-dlya-elektronnogo-razmeshheniya-MFO.pdf> (дата обращения: 23.02.2025).
8. Отчет о деятельности в 2023 г. // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/templates/sodfu/img/news/files/Отчет%20о%20деятельности%20в%202023%20году.pdf> (дата обращения: 23.02.2025).

Аннотации / Abstracts

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

**Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве:
некоторые проблемы законодательной регламентации
и практики реализации**

Манова Нина Сергеевна

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного
процесса Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье анализируется законодательная регламентация полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Автор приходит к выводу о том, что произошедшее 18 лет назад перераспределение контрольно-надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, дифференциация степени властности полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования, умаление роли прокурорского надзора в отношении действий и решений следователя показали неэффективность данных законодательных нововведений. Кроме того, в статье вскрыты законодательные коллизии и противоречия при регламентации полномочий прокурора по утверждению решений дознавателя о прекращении уголовного дела и по отмене постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, полномочия прокурора, отмена прокурором решений следователя и дознавателя, утверждение прокурором решений дознавателя.

**POWERS OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
SOME PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND PRACTICE
OF IMPLEMENTATION**

Manova Nina Sergeevna

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
of the Saratov State Law Academy*

Abstract. The article analyzes the legislative regulation of the prosecutor's powers in the pre-trial stages of criminal proceedings. The author comes to the conclusion that the redistribution of control and supervisory powers between the prosecutor and the head of the investigative body that occurred 18 years ago, the differentiation of the degree of authority of the prosecutor's powers depending on the form of preliminary investigation, the diminution of the role of prosecutorial supervision in relation to the actions and decisions of the investigator, showed the expediency, inefficiency of these legislative innovations. In addition, the article reveals legislative conflicts and contradictions in the regulation of the prosecutor's powers to approve the decisions of the investigator to terminate the criminal case and to cancel the investigator's decisions to refuse to initiate a criminal case and to terminate the criminal case.

Keywords: criminal proceedings, powers of the prosecutor, cancellation of decisions of the investigator and inquiry officer by the prosecutor, approval of decisions of the inquiry officer by the prosecutor.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Гладышева Ольга Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

Аннотация. В статье отмечается дискуссионность предписания ч. 1 ст. 86 УПК РФ о полномочии прокурора на собирание доказательств при отсутствии упоминания в тексте УПК РФ о непосредственном его участии в следственных действиях. Подчеркивается, что прокурор по-прежнему сохраняет возможность надзора за законностью и обоснованностью следственных действий, но только тех, которые требуют разрешения суда на их производство. Дается оценка координирующей роли прокурора при производстве следственных действий и предлагается возратить прокурору процессуальное полномочие непосредственного участия по его усмотрению в отдельных следственных действиях, а также установить в ст. 165 УПК РФ требование об обязательном участии прокурора в судебном заседании по принятию судом решения о производстве следственного действия.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, следственные действия, координация, участие.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE COLLECTION OF EVIDENCE IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Gladysheva Olga Vladimirovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Kuban State University

Sementsov Vladimir Alexandrovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Kuban State University

Abstract. The article notes the controversial nature of the prescription of Part 1 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure on the prosecutor's authority to collect evidence, in the absence of a mention in the text of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation about his direct participation in investigative actions. It is emphasized that the prosecutor still retains the ability to monitor the legality and validity of investigative actions, but only those that require court approval for their production. An assessment of the prosecutor's coordinating role in the conduct of investigative actions is given and it is proposed to return to the prosecutor the procedural authority to participate directly in individual investigative actions at his discretion, 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

---

requires the mandatory participation of the prosecutor in a court hearing on the court's decision on the conduct of an investigative action.

Keywords: prosecutor, powers, investigative actions, coordination, participation.

КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОЦЕССА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Даровских Светлана Михайловна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Даровских Ольга Игоревна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам сравнительного исследования полномочий прокурора в Российской Федерации и Республике Казахстан. Авторы обращают внимание на то, что компаративный метод позволяет выявлять общие и особенные черты деятельности прокуроров в рамках досудебных стадий уголовного процесса разных стран в целях выявления ценностных различий и определения тенденции дальнейшего совершенствования законодательной базы.

В статье рассматриваются как теоретические, так и практические вопросы деятельности прокуратуры указанных стран, касающиеся предмета надзора, полномочий при осуществлении надзорной деятельности за органами дознания и органами предварительного следствия, выделения полномочий руководителей органов прокуратуры и др.

Ключевые слова: прокурор, уголовное судопроизводство, сравнительное исследование, досудебное производство, надзор, полномочия прокурора.

COMPARATIVE STUDY OF THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE PRE-TRIAL STAGES OF THE PROCESS UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Darovskikh Svetlana Mikhailovna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and the process of St. Petersburg State Economic University

Darovskikh Olga Igorevna

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to some issues of a comparative study of the powers of the prosecutor in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The authors draw attention to the fact that the comparative method allows us to identify common and special features in the activities of prosecutors within the pre-trial stages of the criminal process in different countries in order to identify value differences and determine trends in further improvement of the legislative framework.

The article discusses both theoretical and practical issues of the activities of the prosecutor's office of these countries concerning: the subject of supervision; powers in the implementation of supervisory activities over the bodies of inquiry and preliminary investigation bodies; allocation of powers to the heads of the prosecutor's office and another.

Keywords: prosecutor, criminal proceedings, comparative research, pre-trial proceedings, supervision, powers of the prosecutor.

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Рябинина Татьяна Кимовна

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного
государственного университета*

Аннотация. Статья посвящена актуальной и дискуссионной проблеме в уголовно-процессуальной науке – роли и значению института возвращения уголовного дела прокурору в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то что в связи с реализацией одной из важнейших задач продолжающейся судебной реформы – утверждения независимой судебной власти, основной функцией которой является управление правосудия, – которая может быть осуществлена исключительно в условиях состязательного разбирательства уголовного дела, отношение к институту возвращения судом уголовного дела прокурору как к атрибуту обвинительной деятельности суда кардинально изменилось, что не согласуется с его статусом независимого органа, разрешающего правовые споры и конфликты в обществе. Автор отстаивает позицию о необходимости существования данного института в качестве гарантии справедливого правосудия.

Ключевые слова: препятствия рассмотрения уголовного дела судом, возвращение уголовного дела прокурору.

INSTITUTE FOR THE RETURN OF THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR IN THE SYSTEM OF GUARANTEES OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Ryabinina Tatyana Kimovna

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
and Forensics of the South-Western State University*

Abstract. The article is devoted to an urgent and controversial issue in criminal procedure science – the role and importance of the institution of returning a criminal case to the prosecutor in criminal proceedings. Despite the fact that in connection with the implementation of one of the most important tasks of the ongoing judicial reform – the establishment of an independent judiciary, whose main function is the administration of justice, which can be carried out exclusively in an adversarial criminal case, the attitude towards the institution of the court returning a criminal case to the prosecutor has changed dramatically as an attribute of the court's prosecutorial activity, which is inconsistent With its status as an independent body that resolves legal disputes and conflicts in society, the author defends the position of the need for the existence of this institution as a guarantee of fair justice.

Keywords: obstacles to the consideration of a criminal case by the court, the return of the criminal case to the prosecutor.

ФУНКЦИИ И ПОДФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Тушев Александр Александрович

*доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина*

Аннотация. В статье исследуется дискуссионный вопрос о функциях и подфункциях прокуратуры на основе действующего законодательства. Приводятся различные точки зрения на содержание функций прокуратуры, направлений деятельности органов прокуратуры, критически оценивается использование понятия «подфункция», предлагается авторское определение направлений прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, функции, подфункции, направления деятельности прокуратуры, отрасли прокурорского надзора, общественные отношения.

FUNCTIONS AND SUBFUNCTIONS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Tushev Alexander Alexandrovich

*Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure
at I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University*

Abstract. The controversial issue of the functions and subfunctions of the prosecutor's office is examined based on current legislation. Various points of view on the content of the functions of the prosecutor's office, areas of activity of the prosecutor's office bodies are given, the use of the concept of «subfunction» is critically assessed, and the author's definition of areas of prosecutorial activity is proposed.

Keywords: prosecutor's office, functions, subfunctions, areas of activity of the prosecutor's office, branches of prosecutorial supervision, public relations.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ, ВЫПОЛНЯЕМОЙ ПРОКУРОРОМ В СТАДИИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Перетягтько Наталья Михайловна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Федюнин Антон Евгеньевич

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного
процесса Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье рассматривается роль прокурора на особом этапе уголовного судопроизводства, связанном с возобновлением дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Изучение различных мнений, изложенных в теории уголовного процесса, а также разъяснений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ дало возможность авторам сформулировать ключевую идею о том, что прокурор является стороной во всех стадиях процесса и осуществляет сквозную функцию в рамках единого правового механизма, осуществляемого прокурором уголовного преследования. Соответственно порядок обжалования действий прокурора, в том числе и в исключительных

стадиях уголовного судопроизводства, должен регулироваться в порядке, предусмотренном УПК РФ. Предлагается внесение поправок в действующее законодательство.

Ключевые слова: прокурор, функция, реализуемая прокурором в уголовном процессе, стадия возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, судебный контроль, порядок обжалования действий прокурора.

TO THE QUESTION OF THE FUNCTION PERFORMED BY THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF RESUMPTION OF PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL CASE DUE TO NEW OR NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

Peretyatko Natalya Mikhailovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Fedyunin Anton Evgenievich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the role of the prosecutor at a special stage of criminal proceedings related to the reopening of cases under new or newly discovered circumstances. The study of various opinions expressed in the theory of criminal procedure, as well as the explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, enabled the authors to formulate the key idea that the prosecutor is a party to all stages of the process and performs a single end-to-end function within the framework of a single legal mechanism for prosecution by the prosecutor. Accordingly, the procedure for appealing against the prosecutor's actions, including in the exceptional stages of criminal proceedings, should be regulated in accordance with the procedure provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It is proposed to amend the current legislation.

Keywords: the prosecutor, the function performed by the prosecutor in the criminal process, the stage of resumption of proceedings due to new or newly discovered circumstances, judicial control, the procedure for appealing the prosecutor's actions.

МЕТОДИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ДЕЛАМ О ДАЧЕ ИЛИ ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ

Оркина Кристина Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Аннотация. В статье раскрывается методика реализации надзорной деятельности прокурора на стадии возбуждения уголовного дела по делам о даче или получении взятки. Автор систематизировал и представил в работе основные

задачи, возложенные на прокурора на данной стадии; основные методики, которые применяются прокурором, в том числе при осуществлении анализа материалов проверки сообщения о преступлении. Выделены определенные проблемы, снижающие эффективность прокурорского надзора на стадии возбуждения дел о взятках, и представлены пути повышения эффективности деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокурор, возбуждение уголовного дела, дача взятки, получение взятки, борьба с коррупцией, прокурорский надзор, методика надзора.

THE METHODOLOGY FOR THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF GIVING OR RECEIVING A BRIBE

Orkina Kristina Andreevna

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department
of Organization of Judicial and Prosecutorial Activities of Moscow State Law
University named after O.E. Kutafin*

Abstract. In the article the author reveals the methodology of implementing the prosecutor's supervisory activities at the stage of initiating a criminal case in cases of giving or receiving a bribe. The author systematized and presented in the work the main tasks assigned to the prosecutor at this stage; the main methods that are used by the prosecutor, including when analyzing the materials of checking the report of a crime. The author identifies certain problems that reduce the effectiveness of prosecutorial supervision at the stage of initiating cases of bribery and presents ways to improve the effectiveness of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor, initiation of criminal proceedings, giving bribes, receiving bribes, fight against corruption, prosecutorial supervision, methods of supervision.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Грачёва Ольга Алексеевна

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Марцинкевич Виталий Валерьевич

прокурор города Пятигорска, советник юстиции

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении и видах прокурорских проверок исполнения закона в досудебном производстве по уголовным делам. Автор анализирует различные критерии для их разграничения на основе анализа специальной и научной литературы, а также история реформирования полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Выделяется их современная классификация на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, прокурорская проверка, классификация, органы прокуратуры, уголовный процесс, органы дознания, органы предварительного следствия.

**A RETROSPECTIVE AND MODERN APPROACHES
TO THE CLASSIFICATION OF PROSECUTORIAL INSPECTIONS
IN PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS****Gracheva Olga Alekseevna***Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov
State Law Academy***Martsinkevich Vitaly Valerievich***Prosecutor of the city of Pyatigorsk, adviser to justice*

Abstract. The article discusses the importance and types of prosecutorial checks on the implementation of the law in pre-trial criminal proceedings. The author analyzes various criteria for their differentiation based on the analysis of specialized and scientific literature, as well as the history of reforming the powers of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings. Their modern classification is highlighted based on the analysis of the current criminal procedural legislation.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutor's inspection, classification, prosecutor's offices, criminal procedure, bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation.

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
ВВИДУ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ****Лиходаев Евгений Геннадьевич***кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сущности деятельности прокурора на стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Отмечаются недостатки законодательного регулирования полномочий прокурора на данной стадии, что не позволяет определить характер его деятельности. В то же время автор стоит на позиции реализации прокурором функции уголовного преследования.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, производство по уголовном делам, вновь открывшиеся обстоятельства, органы прокуратуры.

**PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL CASE
DUE TO NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES****Lihodaev Evgeny Gennadievich***Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov
State Law Academy*

Abstract. The article examines the problems of the essence of the prosecutor's activities at the stage of resumption of criminal proceedings due to new circumstances. It notes the shortcomings of the legislative regulation of the prosecutor's powers at this stage, which does not allow determining the nature of his activities. At the same time, the author stands on the position of the prosecutor's implementation of the criminal prosecution function.

Keywords: prosecutor, criminal process, criminal proceedings, newly discovered circumstances, prosecutor's office.

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Овчинникова Наталья Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы правового регулирования участия прокурора в делах частного обвинения и предлагаются способы их устранения законотворческим путем. Автор приходит к выводу, что ключевые пробелы правового регулирования связаны с определением критериев зависимого и беспомощного состояния потерпевшего, а также с определением процессуального статуса и функции прокурора, выполняемой им по уголовным делам частного обвинения.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, дела частного обвинения, зависимое состояние, беспомощное состояние, потерпевший, частный обвинитель.

GAPS OF LEGAL REGULATION OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN PRIVATE CHARGES

Ovchinnikova Natalya Olegovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the gaps in the legal regulation of the prosecutor's participation in private prosecution cases and suggests ways to eliminate them through legislative means. The author concludes that the key gaps in legal regulation are related to the definition of criteria for the dependent and helpless state of the victim, as well as the definition of the procedural status and function of the prosecutor performed by him in criminal cases of private prosecution.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, private prosecution cases, dependent state, helpless state, victim, private prosecutor.

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РАМКАХ РЕАБИЛИТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ И НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Петрова Галина Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Стародубцев Евгений Эдуардович

студент 3-го курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данной работе рассматривается механизм возмещения морального вреда в рамках реабилитации лиц, незаконно или необоснованно под-

вергнутых уголовному преследованию. Осуществляется анализ действующих в системе уголовно-процессуального регулирования норм и практики их применения судами общей юрисдикции. Рассматриваются возможность и необходимость нормативного закрепления минимальных эквивалентно-денежных гарантий лицам, подвергнутым незаконному или необоснованному уголовному преследованию.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение морального вреда, компенсация, незаконное или необоснованное уголовное преследование, разумность и справедливость.

**COMPENSATION FOR NON-PECUNIARY DAMAGE
IN THE FRAMEWORKS OF REHABILITATION: PROBLEMS OF PRACTICE
AND REGULATORY REGULATION**

Petrova Galina Borisovna

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy*

Starodubtsev Evgeny Eduardovich

3rd year student of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Abstract. This paper examines the mechanism of compensation for moral damage within the framework of rehabilitation of persons unlawfully or unreasonably subjected to criminal prosecution. The analysis of the norms in force in the system of criminal procedure regulation and the practice of their application by courts of general jurisdiction is carried out. The possibility and necessity of normative consolidation of minimum equivalent monetary guarantees to persons subjected to illegal or unjustified criminal prosecution are being considered.

Keywords: rehabilitation, compensation for moral damage, compensation, illegal or unjustified criminal prosecution, reasonableness and justice.

**УСИЛЕНИЕ РОЛИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
КАК ОБЪЕКТИВНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Спесивов Никита Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры,
главный редактор журнала «Человек и право – XXI век»*

Аннотация. Статья посвящена взгляду автора на современное функциональное назначение прокурора в досудебном производстве по уголовным делам и объем его полномочий, достаточных и необходимых для их эффективно-го осуществления по отношению к следователям. Отмечается, что российским законодательством прокурору в уголовном процессе отведена важная роль как субъекту, являющемуся стороной обвинения и осуществляющему не только уголовное преследование, но и надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Однако значительные изменения законодательства 2007 и 2011 гг., касающиеся положения прокурора в уголовном процессе, по сути сформировали новую функциональную направленность участия прокурора в уголовном судопроизводстве, которая не в полной мере отвечает

назначению уголовного судопроизводства и роли прокурора как его ключевого участника.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прокурор, досудебное производство, надзор прокурора за предварительным следствием, полномочия прокурора в досудебном производстве.

STRENGTHENING THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS AS AN OBJECTIVE REQUIREMENT OF THE MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Spesivov Nikita Vladimirovich

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Director of the Institute of Prosecutor's Office,
editor-in-chief of the journal "Man and Law – XXI Century"*

Abstract. The article is devoted to the author's view on the modern functional purpose of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings and the scope of his powers, sufficient and necessary for the effective exercise of his powers in relation to investigators. The author notes that Russian legislation assigns an important role to the prosecutor in the criminal process as a subject, not only being a party to the prosecution and conducting criminal prosecution, but also overseeing the implementation of laws and the observance of human and civil rights and freedoms. However, significant changes in the legislation on the position of the prosecutor in criminal proceedings in 2007 and 2011. In fact, they formed a new functional orientation of the prosecutor's participation in criminal proceedings, which does not fully meet the purpose of criminal proceedings and the role of the prosecutor as its key participant.

Keywords: criminal justice, prosecutor, pre-trial proceedings, prosecutorial supervision of preliminary investigations, prosecutorial powers in pretrial proceedings.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Галицкая Наталья Владимировна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного
и административного права Северо-Западного института управления –
филиала РАНХиГС*

Аннотация. Статья посвящена выявлению перспективных направлений совершенствования нормативно-правового регулирования стимулирования организаций агропромышленного комплекса для повышения эффективности механизма обеспечения продовольственной безопасности. Обсуждается целесообразность имплементации в российское законодательство наднациональных рекомендаций ЕАЭС, а также формирования агропромышленных кластеров как территорий с особым административно-правовым режимом осуществления агропромышленного производства.

Ключевые слова: административное стимулирование, продовольственная безопасность, агропромышленный кластер, сельское хозяйство, органы исполнительной власти.

PROMISING DIRECTIONS FOR IMPROVING THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE STIMULATION OF ORGANIZATIONS THAT ENSURE FOOD SECURITY

Galitskaya Natalya Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-Western Institute of Administration – Filial RANEPА

Abstract. The article is devoted to identifying promising areas for improving the regulatory and legal regulation of stimulating organizations of the agro-industrial complex to increase the effectiveness of the mechanism for ensuring food security. The expediency of implementing the supranational recommendations of the EAEU into Russian legislation, as well as the formation of agro-industrial clusters as territories with a special administrative and legal regime for agro-industrial production, is substantiated.

Keywords: administrative incentives, food security, agro-industrial cluster, agriculture, executive authorities.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРНЫХ И ИНЫХ ФУНКЦИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ ПРОКУРАТУРЕ, В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Киримова Елена Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье изложен результат исследования российского законодательства 1917–1922 гг., содержащего вопросы обеспечения надзора за законностью и правопорядком, поддержания обвинения в судебном процессе в первые годы советской власти. В работе показаны законодательные ошибки, отражающие смешение функций правосудия, следствия и дознания, надзора за законностью, причины создания прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, суд, отдел юстиции, милиция, декрет, постановление, инструкция, законность, обвинение, защита.

THE IMPLEMENTATION OF SUPERVISORY AND OTHER FUNCTIONS INHERENT IN THE PROSECUTOR'S OFFICE IN RUSSIA IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Kirimova Elena Andreevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article presents the results of the study of Russian legislation of 1917–1922, containing issues of ensuring supervision of legality and law and order,

---

supporting the prosecution in court proceedings in the first years of Soviet power. The work shows legislative errors reflecting the confusion of the functions of justice, investigation and inquiry, supervision of legality, the reasons for the creation of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor's office, court, justice department, police, decree, resolution, instruction, legality, prosecution, defense.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ПО КРИТЕРИЯМ АДЕКВАТНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Александрова Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются критерии эквивалентности и адекватности перевода как основные аспекты оценки качества переводческой деятельности. Анализируются особенности теорий эквивалентности и адекватности с точки зрения практического применения при переводе юридических текстов с английского языка на русский. Раскрываются особенности юридического перевода. Знание юридической терминологии, специфики конкретного вида правоотношений, социокультурных особенностей носителей исходного языка способствует достижению эквивалентности и адекватности перевода текста в сфере права.

Ключевые слова: юридический перевод, эквивалентность, адекватность, юридическая терминология, юриспруденция, межкультурная коммуникация.

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LEGAL TRANSLATION ACCORDING TO THE CRITERIA OF ADEQUACY AND EQUIVALENCE

Alexandrova Tatyana Anatolyevna

*Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy*

Abstract. This article examines the criteria of equivalence and adequacy of translation as one of the main aspects of assessing the quality of translation activities. The features of the theory of equivalence and adequacy are analyzed from the point of view of practical application in the translation of legal texts from English into Russian. The features of legal translation are revealed. Knowledge of legal terminology, the specifics of a particular type of legal relationship, and social and cultural characteristics of native speakers contribute to achieving equivalence of translation in the sphere of law.

Keywords: legal translation, equivalence, adequacy, legal terminology, jurisprudence, intercultural communication.

**ИМЕНА И ЛЮДИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: АНТРОПОНИМЫ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЧАРЛЬЗА ПИРСА**

Игнаткина Анастасия Львовна

*кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой
иностранных языков Саратовской государственной юридической академии*

Беляев Александр Сергеевич

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Авторы рассматривают, как теория антропонимов Пирса объясняет человеческую индивидуальность, и противопоставляют ее когнитивно-психологической теории антропонимов. Описывается семиотическая классификация антропонимов (по Пирсу) как знаков. Предлагается объяснение явлений когнитивно-семиотического свойства сквозь призму теории Пирса с конкретными примерами.

Ключевые слова: когниция, Чарльз Пирс, семиотика, антропоним, леги-сигнум, квалисигнум, синсигнум, знак-индекс, знак-икона.

**NAMES AND PEOPLE ENGLISH: ANTHROPONYMS FROM THE POINT
OF VIEW OF THE SEMIOTIC THEORY OF CHARLES PIERCE**

Ignatkina Anastasia Lvovna

*Candidate of Philology, Associate Professor, acting Head of the Department
of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy*

Belyaev Alexander Sergeevich

*Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign
Languages Saratov State Law Academy*

Abstract. The authors consider how the theory of anthroponyms of the pier explains the human individuality, and contrast the approaches of the pier of the cognitive-psychological theory of anthroponyms. The semiotic classification of anthroponyms (according to the pier) as signs is described. An explanation of the phenomena of the cognitive-semiotic property through the prism of the theory of the pier with specific examples is proposed.

Keywords: cognition, Charles Pierce, Semiotics, Anthroponym, Legisignum, Coolsignum, Sinsignum, an Inki sign, icon sign.

**ИСКУССТВО ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ**

Богачева Екатерина Александровна

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных
языков Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье предлагается анализ риторических приемов убеждения, применяемых в англоязычном судебном дискурсе. Обосновывается тезис о том, что учет культурно обусловленных моральных ценностей и архетипов усиливает аргументацию и эффективность риторических и психологических приемов убеждения в судебном дискурсе. Анализируются языковые средства, которые могут ослабить воздействие дискурса и снизить доверие к говорящему у аудитории.

Ключевые слова: юридический язык, судебный субдискурс, тактика убеждения, риторические принципы, судебная полемика, правосудие.

THE ART OF TACTICS OF CONVICTION IN THE ENGLISH -LANGUAGE JUDICIAL SUBDISCOURSE

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyzes the rhetorical techniques of persuasion used in English-language judicial discourse. The thesis that the consideration of culturally determined moral values and archetypes strengthens the argumentation and effectiveness of rhetorical and psychological techniques of persuasion in judicial discourse is substantiated. It analyzes the linguistic means that can weaken the impact of the discourse and reduce the audience's trust in the speaker.

Keywords: legal language, judicial subdiscourse, persuasive tactics, rhetorical principles, judicial polemics, justice.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ТЕРМИНА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ПРАВА)

Волгина Елена Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются проблема определения статуса термина как языковой единицы профессионального языка, особенности термина и его функции. Обосновывается применение системного и функционального подходов к изучению природы термина. Системный подход позволяет описать имманентные свойства термина как части терминосистемы. Функциональный подход выявляет категории термина, которые эксплицируются при использовании термина в профессиональном контексте. Целью статьи является обоснование статуса термина как понятийной функциональной единицы на примере терминов права.

Ключевые слова: термин, терминосистема, профессиональная коммуникация, юридический термин, дискурс, общество.

SOME ASPECTS OF DETERMINING THE STATUS OF THE TERM (ON THE EXAMPLE OF THE TERMS OF LAW)

Volgina Elena Valerievna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article considers the problem of defining the status of a term as a linguistic unit of professional language, examines the features of the term and its functions. The article substantiates the use of systemic and functional approaches to studying the nature of the term. The systemic approach allows us to describe the immanent properties of the term as part of the terminology system. The functional approach identifies the categories of the term that are explicated when using the term

in a professional context. The purpose of this article is to substantiate the status of the term as a conceptual functional unit using legal terms as an example.

Keywords: term, terminology system, professional communication, legal term, discourse, society.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОСУДЕБНОГО И Внесудебного СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Шималакова Алина Сергеевна

магистрант 2-го курса Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Предпринимательская деятельность всегда связана с риском, под которым подразумевается возможность возникновения события, которое может повлиять на достижение поставленных целей (возможный убыток, неудача, опасность). Для уменьшения возможности возникновения неблагоприятных последствий от рискованной деятельности лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, используют любые способы защиты своего дела. Все способы защиты делятся на две группы: судебные и внесудебные. В научной литературе можно увидеть, что чаще всего, когда речь идет о разбирательстве без участия суда, авторы не разграничивают понятия «внесудебная защита» и «досудебная защита», отождествляя их. Есть существенные различия между этими категориями или они действительно тождественны? Влияют ли эти различия на результат защиты? Попробуем разобраться и ответить на эти вопросы.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, риск, защита предпринимательской деятельности, мирное урегулирование спора, внесудебная защита, досудебная защита.

THE DISTINCTION BETWEEN THE CONTENT OF PRE -TRIAL AND EXTRAJUDICIAL METHODS OF PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF CITIZENS ENGAGED IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Shimalakova Alina Sergeevna

2nd year Master's student at the Institute of Master's and Correspondence Studies of the Saratov State Law Academy

Abstract. Entrepreneurial activity is always associated with risk, which means the possibility of an event occurring that may affect the achievement of the set goals (possible loss, failure, danger). To reduce the occurrence of adverse consequences from risky activities, persons engaged in entrepreneurial activity use any means of protecting their business. All methods of protection are divided into two groups: judicial and extra-judicial. In scientific literature, one can see that most often, when it comes to proceedings without the participation of the court, the authors do not distinguish between the concepts of «extra-judicial protection» and «pre-trial protection», identifying them. Are there significant differences between these

---

categories or are they really solemn? Do these differences affect the outcome of the protection? Let's try to figure out and answer these questions.

Keywords: entrepreneurial activity, risk, protection of entrepreneurial activity, peaceful settlement of disputes, extrajudicial protection, pre-trial protection.

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАЕМЩИКОВ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОБРАЩЕНИИ К ФИНАНСОВОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ

Магомедова Марьям Умаровна

*магистрант 1-го курса Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема защиты прав заемщиков микрофинансовых организаций. Раскрывается досудебный порядок регулирования данных отношений при обращении граждан к финансовому уполномоченному. Дается характеристика самых частых проблем, складывающихся на практике, и приводятся возможные пути их решения.

Ключевые слова: микрофинансовые организации, финансовый уполномоченный, заемщик, задолженность, заем, финансовая организация, защита прав, финансовые споры.

THE PRE-TRIAL PROCEDURE FOR PROTECTING THE RIGHTS OF BORROWERS OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS WHEN ADDRESSING THE FINANCIAL AUTHORIZED

Magomedova Maryam Umarovna

*1st year Master's student at the Institute of Master's Degree and Correspondence
Studies of the Saratov State Law Academy*

Abstract. The article discusses the current problem of protecting the rights of borrowers of microfinance organizations. The pre-trial procedure for regulating these relations is disclosed when citizens apply to the financial commissioner. The characteristics of the most frequent problematic moments in practice are given and possible solutions are given.

Keywords: microfinance organizations, financial commissioner, borrower, debt, loan, financial financing, protection of rights, financial disputes.